Радек

МИРОВОЙ

МОЛЧАНИЕ

и

Интервенц.

против

СССР

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ЕН161
М615

КАРЛ РАДЕК

МИРОВОЙ МЕНЬШЕВИЗМ И ИНТЕРВЕНЦИЯ ПРОТИВ СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО 1931

КАРЛ РАДЕК

ЕН 161
М 615
X

МИРОВОЙ МЕНЬШЕВИЗМ
И ИНТЕРВЕНЦИЯ
ПРОТИВ СССР

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1931 ЛЕНИНГРАД

1Экз

К.

EH 161
M 615

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА

~~5027с.1~~

ф
9399

(5 x 2
3)

10588 03

Отпечатано в 3-й типографии Огиза
„Красный пролетарий“
Москва, Краснопролетарская, 16.
Уполн. Главлита № Б—3218
Огиз С—3 № 179
Тираж 10 000 экз.
Заказ № 2896.
6¹/₄ п. л.

Редактор Рейхберг Г. Е.
Техредактор Пиотрович М. К.
Апрель 1931 г.

ОТ АВТОРА

Предлагаемые статьи появились в печати в период между процессом «Промпартии» и процессом меньшевиков, когда перед СССР снова со всей остротой встал вопрос об интервенции.

Думаю, что в этих статьях отражены и общая обстановка, рождающая рост интервенционистских стремлений империалистских держав, и те причины, которые сделали мелкобуржуазные партии проводниками политики мирового империализма по отношению к СССР.

Отношение II интернационала к интервенции, роль, которую он должен играть в ее подготовке и проведении, разобраны не только путем общего анализа позиции II интернационала, но и на конкретном материале. Наконец, я постарался дать ответ на вопрос о перспективах интервенции.

Разнообразная форма статей, имеющая целью заострить внимание читателя, пригодна, по-моему, не только для борьбы со столбцов газеты, но и для обстрела врага книгой.

Карл Радек.

28/III—1931.

I. РЕВОЛЮЦИЯ И КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НА НОВОМ ЭТАПЕ И ПОДГОТОВКА ИНТЕРВЕНЦИИ

НА ПЕРЕВАЛЕ

Оценка положения в СССР, перспектив пятилетки в международной империалистической печати в прошедшие два года менялась буквально каждый день. Сначала мировая пресса просто смеялась над пятилеткой. Она рассматривала ее как орудие пропаганды среди иностранных рабочих. После первого года пятилетки мировая капиталистическая печать в лице своих наиболее серьезных органов резко переменила фронт. Во-первых, она признала, что пятилетка—не агитационная программа, а программа действия, проводившаяся с величайшей энергией РКП(б) и советской властью. Во-вторых, она поставила вопрос о возможности победы пятилетки.

И на этот вопрос целый ряд серьезнейших политиков и экономистов буржуазии ответил утвердительно. Да, победа пятилетки возможна и будет решаться в больших классовых боях. Раньше еще, чем в широких кругах начали вести агитацию против так называемого «советского демпинга», когда главным жупелом агитации против нас был еще вопрос об отношении советской власти к религии, московский корреспондент «Нью-Йорк Таймс», побывав в Париже, сообщил своей газете, что в кругах серьезных капиталистов на первый план выдвигается вопрос об опасности будущей конкуренции на мировом рынке русского промышленного экспорта, к борьбе с которым уже надо готовиться.

Весной и летом 1930 г. вопли об опасности пятилетки уступили место новой оценке. Мировая капиталистическая печать начала предсказывать неминуемое крушение пятилетки и объяснять наш вывоз как попытку советского правительства во что бы то ни стало получить средства для покупки за границей машин, без которых крах пятилетки наступит в ближайшее время. Борьба с советским вывозом велась под лозунгом, что гибнущий большевизм пытается еще в последний момент разрушить мировое

хозяйство, чтобы таким образом получить для себя новую передышку.

Но факты—упрямая вещь, и более серьезные капиталистические органы, не отказываясь от своей лживой агитации, все-таки дают место более правильному освещению действительного положения в СССР.

Последняя статья Ллойд-Джорджа в этом смысле не менее характерна, чем статья французского официоза «Тан». Ллойд-Джордж не только устанавливает грандиозность пятилетнего плана, но и тот факт, что он проводится с неослабной энергией и в дальнейшем. Преувеличивая наши трудности, он все же не только не считает, что пятилетка должна потерпеть крах, но, наоборот, высказывает величайшую тревогу, что она может осуществиться. Он уже ставит вопрос, что же будет, если грандиозное начинание советской власти будет проведено в жизнь? Он понимает, что дело идет не просто об индустриализации СССР, а о победе социалистического строя в громадной стране,—строя, который в случае победы пятилетки станет центральным вопросом буржуазного мира. «Если Сталину удастся добиться положительных результатов, то коммунизм становится идеей, осуществимость которой доказана».

Таким образом у Ллойд-Джорджа нет ни слова о том, что пятилетка обанкротилась. И сколько бы он ни преувеличивал затруднения, с которыми нам придется бороться, он считает, что наша борьба может кончиться полной победой. Статья «Тан», газеты, ежедневно кричащей о предстоящем нашем крахе, еще более показательна. «Тан» говорит о грандиозной индустриализации, о том, что СССР стал громадной мастерской, построил заводы, какие существуют еще только в Америке. Он говорит об опасности будущей конкуренции советских промышленных изделий на мировом рынке и призывает капиталистический мир не только к финансовой «блокаде», но и к блокаде технической помощи, оказываемой нам за деньги. «Тан» таким образом считает, что мы можем выполнить пятилетку, даже не получая из-за границы займов, что до сих пор капиталистическая печать считала полной утопией. Пропагандируя отказ от допущения в СССР иностранных специалистов, он выдвигает таким образом лозунг—наказать нас за наше большевистское «варварство», попытавшись отрезать нас от мировой науки.

Все это показывает, что международный империализм, крича о крахе пятилетки, сознательно лгал. Он делал это, с одной стороны, для того, чтобы обеску-

ражить европейских рабочих, а с другой,—для того, чтобы внушить колеблющимся капиталистическим элементам, боящимся войны с СССР, убеждение, что это дело нетрудное, ибо СССР и так трещит по всем швам,—хватит короткого удара, и победа будет за империалистами. В действительности же мировой капитализм убедился в реальной возможности проведения рабочим классом СССР пятилетки. И немудрено, что он в этом убедился. Цифры второго года пятилетки еще более внушительны, чем цифры первого года. Капиталистический мир видит, что индустриализация наша продвигается вперед гигантскими шагами и что кулацкое восстание, на которое он надеялся, не только не осуществилось, а наоборот, развитие коллективизации позволило советской власти перейти к ликвидации кулачества как класса. Мировому капитализму остается попытаться использовать переходные затруднения нашего социалистического строительства для подготовки интервенции. Советская власть, ни на один момент не скрывая этих затруднений общего социалистического наступления, указывает народным массам, что третий год является решающим годом, годом великого исторического перевала и достигает преодоления всех трудностей на основе организации рабочих масс и колхозников. Последний пленум ЦК ВКП(б) в своей резолюции о народнохозяйственном плане на 1931 г., в этом величайшем военном приказе, который знает история мира, определил задачи пролетариата следующими словами:

«Наша страна, где социалистический сектор занял абсолютно преобладающую роль на народном хозяйстве, вступила в период развернутого социалистического наступления, в период социализма. Наступающий 1931 год будет годом новых достижений, новых крупнейших успехов социализма в его борьбе с капитализмом. Выполнение плана в области коллективизации даст абсолютный перевес социалистических элементов над капиталистическими элементами в деревне, укрепит смычку рабочего класса с трудящимися массами крестьянства и завершит построение фундамента социалистической экономики СССР. Это будет победа всемирно-исторического значения».

«МЫ УЖЕ ВСТУПИЛИ В СССР В ПЕРИОД СОЦИАЛИЗМА»

Это определение т. Сталина в его заключительном слове на XVI съезде партии дает сжатую формулировку того, что происходит в СССР на наших глазах.

Обыватель, считающий скептицизм и отсутствие ясной мысли последним словом премудрости, любит похныкать или поострить по поводу этого определения. Какое там вступление в период социализма, если у нас нехватает не только мяса, но даже папирос, если снова появились очереди после благополучия первого периода нэпа, когда можно было во всяком кооперативе получить ветчину и малосольную икру. Этот обыватель игнорирует основные исторические уроки, которым можно обучиться в марксистских кружках самообразования[1].

Когда человечество вступило в период капитализма, который означал новую высшую ступень исторического развития, то это совсем не означало, что масса населения немедленно улучшила свое материальное положение по сравнению с периодом феодализма. Если развитие капитализма по сравнению с феодализмом, несмотря на рост эксплоатации, подняло на высший уровень и материальное положение народных масс, то начало капитализма означало громадное ухудшение материальных условий жизни народных масс по сравнению с временем феодального хозяйства. Достаточно только вспомнить процесс пролетаризации крестьянства, его бегство из деревни в города с их неслыханной густотою населения, массовыми заболеваниями и громадным ухудшением питания народных масс конца XVIII и начала XIX столетия.

Ни о чем подобном, само собой понятно, не может быть и речи при переходе от капитализма к социализму. После коротких лет тяжелой хозяйственной разрухи, обостренной при этом сопротивлением капиталистического класса внутри страны и интервенцией, мы видим беспрерывный рост благосостояния масс на почве поднимающейся производительности их труда, на почве общего экономического подъема страны. Пятилетка не только гарантирует ускорение темпа повышения благосостояния масс тем, что она увеличивает количество кирпича, железа, угля, необходимых для постройки новых рабочих жилищ, но она на почве коллективизации решила уже хлебную проблему и решает в короткие исторические сроки мясную проблему, проблему текстильного сырья, т. е. одежды.

---

[1] Эти слова были уже напечатаны в «Известиях», когда я прочел статью *Троцкого* в парижской «Верите», где этот бывший революционер утверждает, что говорить о вступлении в период социализма, когда в стране нет для всех молока, означает компрометировать идею социализма. Мертвые скоро едут—говорит немецкий поэт.

Уже сам процесс осуществления пятилетки неуклонно улучшает положение рабочего класса. Этого не может понять только тот, для кого материальное положение рабочего класса измеряется не совокупностью условий его жизни, а исключительно количеством потребляемого мяса. Простой факт ликвидации в СССР безработицы означает улучшение материального положения рабочего класса в целом, чтобы не говорить о всех других последствиях проведения в жизнь пятилетки. Простой факт, что пятилетка есть громадное социалистическое наступление на все обломки капитализма, что она означает борьбу за ликвидацию кулачества, должен приводить к временным затруднениям. Наши затруднения со снабжением мясом являются результатом не только того факта, что мелкое крестьянское хозяйство не могло поспеть в производстве скота за растущими потребностями растущих городов, но и того факта, что кулак ответил на наше наступление тем, что перерезал скот, потянув при этом за собой часть колеблющихся середняков. Пятилетка вызывает рост враждебности капиталистических стран, затруднения не только в кредитовании советского экспорта, но и просто в его размещении за границей.

Но все эти элементы переходного характера могут только обывателю закрыть глаза на происходящие в стране громадные экономические и классовые сдвиги не только количественного, но и качественного характера, сдвиги, которые решат не только вопрос о мясе, но и более важные вопросы.

Мы лишили промышленную буржуазию средств производства, национализировав их. Эти средства производства не были только отняты у нее. Они были пущены в ход в восстановительном периоде нашего хозяйства. Мы за последние годы удвоили промышленную продукцию по сравнению с предвоенным временем, строя большое количество новых фабрик, создавая отрасли промышленности, которых раньше вообще не было в России. Мы не только экспроприировали торговый капитал города, но когда, на основе нэпа, он начал восстанавливаться, мы его вытеснили полностью из оптовой торговли и привели к минимальным размерам в розничной продаже. Крупная буржуазия как класс производящий исчезла из промышленности, как посредник между производителями и потребителями почти исчезла.

Но мало того. Мы настолько усилили промышленность, что могли поставить перед собой задачу

социалистической перестройки сельского хозяйства на основах коллективизации. Такая перестройка стала возможной потому, что промышленность в состоянии в короткий исторический срок дать сельскому хозяйству те технические средства, которые при организации крестьянства в коллективы гарантируют переход его на значительно более высокую ступень развития. Нельзя только агитацией убедить крестьянина в преимуществе социалистического хозяйства над частным. Но основная масса крестьянства, видя работу трактора и комбайна, преодолевает свои колебания. Надо быть абсолютно лишенным рассудка, чтобы допускать возможность достижения 25% коллективизации всего СССР и около 50% в основных зерновых районах при помощи насилия.

Когда т. Сталин 7 ноября 1929 г. говорил о том, что наступил решительный перелом в основных массах крестьянства по отношению к коллективизации, то это утверждение полностью отвечало фактам. Не в том дело, чтобы все крестьянство было за колхозы. Кулак видит в колхозах свою смерть и не может быть за них, если не говорить о попытках спастись путем организации лжеколхозов. Середняк оттого и середняк, что он колебался между кулаком и советской властью. Но не подлежит сомнению тот факт, что основное ядро середняков поняло, что на путях коллективизации оно может выйти в короткий срок на широкую дорогу, ведущую к новой жизни. Безлошадный крестьянин-бедняк уже не видит выхода в том, что приобретет одну, другую лошаденку.

Понятно, мы ни на один момент не намеревались ждать с коллективизацией до того момента, когда сможем полностью обеспечить всю деревню достаточным количеством тракторов и других сложных сельскохозяйственных орудий. Решившись на коллективизацию, крестьянин требует, чтобы ему помогли организовать коллективы. При перспективе получения трактора уже одна комбинация существующих производительных сил крестьянства дает значительно больший эффект, чем работа на карликовом хозяйстве силами крестьянской семьи. Кроме того этот «мануфактурный» период коллективизации, предшествующий машинизации, во многих местах означает собирание организационного опыта, который поможет многое сэкономить в момент, когда рабочий класс даст крестьянству достаточное количество тракторов.

Но что же означает в классовом смысле коллективизация, ведущая к уничтожению кулака как класса? Троцкий выдвинул

тезис, что середняк есть конвейер, подающий кулака, поэтому коллективизация не устраняет у него победы кулачества. Отражением этого взгляда был взгляд, пропагандированный некоторыми нашими аграрниками на первой конференции аграрников-марксистов. Согласно этому взгляду колхозы являются «частно-кооперативными предприятиями». Было бы неправильно рассматривать колхозы уже теперь, как законченный тип социалистического предприятия.

Но вместе с тем нужно твердо уяснить, что колхозы являются социалистическим типом предприятий.

И вот именно потому, что мы создали промышленность, которая могла поставить перед собой задачу социалистической перестройки деревни, именно потому, что мы за эту перестройку взялись на основе притока в деревню производительных сил, созданных рабочим классом, и на основе встречного движения к коллективизации основных масс крестьянства, именно потому, что это означает уничтожение буржуазии в городе, ликвидацию последнего обширного буржуазного слоя в деревне, начало переделки крестьян в производителей, работающих на социалистическое общество,—поэтому формулировка т. Сталина «мы уже вступили в СССР в период социализма» внедряет в сознание рабочего класса и всех трудящихся великий исторический перелом, совершающийся на наших глазах.

Выполнение хозяйственного плана третьего года означает «завершение построения фундамента социалистической экономики в СССР». Этот год должен дать 80% всего промышленного плана пятилетки, 98% плана пятилетки по отношению к тяжелой промышленности, 50% коллективизации в общесоюзном масштабе, 80% коллективизации в основных зерновых районах. Да, выполнение этой программы означает постройку прочного фундамента для социалистического здания в СССР!

Результатом социалистического наступления на остатки капитализма в СССР, результатом побед на поле коллективизации и индустриализации является громадное усиление классовой мощи советского пролетариата и советского государства. Самое замечательное последствие этого процесса—это не только количественное увеличение пролетариата, не только тот факт, что в то время, когда во всем мире свирепствует безработица, у нас исчерпаны кадры промышленных рабочих, исчезла безработица (ведь одно из наших затруднений состоит именно в необходимости формирования новых миллионных кадров пролетариата), а факт, что пролета-

риат видит, как на его глазах растут промышленные гиганты социализма, он чувствует свою растущую мощь, как создателя новой жизни. Он чувствует, что он не просит у крестьянства займа на долгий срок, а что он дает крестьянству то, что необходимо, чтобы вывести громадное большинство населения из нищеты и темноты. Над ним нет больше бича безработицы. Он знает, что дети его найдут место не только у станка, а создадут кадры командиров великой промышленности, развивающейся на его глазах.

В деревне подрастает поколение, проходящее ежегодно через школу Красной армии, которая является не только школой советского гражданства, но и школой социализма. Красная армия, дающая деревне громадные кадры трактористов, есть орудие социалистической перестройки деревни. Красноармеец является в деревне борцом за новую социалистическую жизнь, борцом против всего старого, умирающего. Для основной массы крестьянства, повернувшейся к коллективизации, советская власть есть не только та власть, которая помогла крестьянину вырвать землю из рук помещиков, но власть, которая дает новые орудия труда, освобождающие крестьянство от «идиотизма деревенской жизни», от рабства допотопных сельскохозяйственных орудий. Если до этого времени перед крестьянином вставал мрачный вопрос, как ему жить, когда на земле становится тесно, когда она не в состоянии прокормить его и его семью, как быть с детьми, то теперь индустриализация страны, начало ликвидации пропасти между городом и деревней открывают крестьянским массам невиданные перспективы. Все это означает громадное увеличение сил революции. Все это означает собирание под знаменем коммунизма десятков миллионов на бой за доведение до конца дела, которое мы начали в 1917 г.

ВЫМИРАНИЕ СИЛ РУССКОЙ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Процесс «Промпартии» дал нам яркую картину отражения, которое нашел этот рост сил пролетарской революции среди представителей классов, господствовавших раньше в России. Чего стоят факты, сообщенные Рамзиным, об отношении в разные моменты последних трех лет «Торгово-промышленного комитета» в Париже и руководящих французских империалистических кругов к идее интервенции? До 1926 г. русские капиталисты за границей требовали от своих приказчиков в СССР двух вещей. «Пытайтесь по возможности урвать побольше от

советской казны денег на развитие наших фабрик», говорили Рябушинские и Морозовы, надеясь, что чем больше мы вложим в их фабрики, тем лучше будет их положение, когда они вернутся в Россию. Собственники рудников и шахт, собственники нефтяных полей со своей стороны давали указания щадить лучшие залежи железа, угля, источники нефти, не дать советской власти их исчерпать. Все они были убеждены в том, что вернутся как победители и снова начнут командовать хозяйством России. Долгие годы они надеялись на крах советской власти, вызванный нашей неспособностью восстановить хозяйство без иностранных займов. Когда мы перешли от восстановительного периода к реконструктивному, когда началась борьба за пятилетку, они начали обивать пороги у иностранных капиталистов, добиваясь интервенции. Но еще господствовала у них психология: нарви в карман из советской казны, и «поэтому,—говорит Рамзин,—получилось тогда впечатление, что Пуанкаре больше спешит с интервенцией, нажимает на ее ускорение, чем русские капиталисты», которые зарились еще на вложения советского правительства в «их» фабрики. Они были убеждены, что пятилетка, требуя от страны громадных жертв, неминуемо противопоставит советской власти народные массы. Поэтому они требовали вредительской работы, создания диспропорции в хозяйстве для вызывания экономического кризиса. Но в 1930 г. при свидании своем с проф. Осадчим нефтяник Денисов уже нервничает. Он совершенно неприлично, с раздражением спрашивает проф. Осадчего: «На что же «Промпартия» растратила предоставленные ей миллионы, если она добилась таких малых результатов? Где же кризис?»—Осадчий, обозленный этим, отвечает ему встречным вопросом: «А где интервенция?» О восстании всего крестьянства, на которое рассчитывали господа Рябушинские и Денисовы, Денисов даже и не спрашивает. Он открыто высказывал Осадчеву мысль, что условия для контрреволюции и интервенции с каждым годом будут ухудшаться.

Рост социалистического сектора хозяйства означал размывание сил контрреволюции и поэтому рост их спазматических попыток сопротивления. Как выглядит в основном теперешняя расстановка классовых сил контрреволюции? Контрреволюция является буржуазно-помещичьей, хотя военно-организаторская роль принадлежала по преимуществу помещичьему классу. Деникин принужден в своих «Очерках русской смуты» признать, что белая армия была классово-помещичьей

армией. Милюков в своем двухтомнике, посвященном истории русской гражданской войны, пишет:

«В своей массе белая армия была носителем мыслей и чувств аграрной и дворянской России. Социальная структура армии лишала ее возможности решить аграрный вопрос так, как этого добивалось крестьянство. Везде, где она создавала свою администрацию, вслед за военными победами шли карательные экзекуции против крестьян, проводимые часто прямо пострадавшими помещиками, которые являлись в деревню совместно с карательными отрядами, пороли крестьян и заставляли их уплачивать за вред, принесенный помещикам за сожжение усадьбы, за отнятый инвентарь и скот» (цитирую по немецкому изданию Milukof, Zusammenbruch Russlands, Berlin 1926, B. II, S. 70). Понятно, что помещики и теперь не отказались от мечты вернуть себе землю и власть и что в случае победы интервенции они бы эту программу осуществили. Их зарубежная пресса даже не пытается эту программу ревизовать. Но 13 лет революции сильно потрепали бежавшие за границу помещичьи кадры, не говоря уже о последних могиканах этого класса, оставшихся в СССР. Старшее поколение помещиков вымирает, а младшее представляет собой деклассированную массу, промышляющую всякими нечистыми способами. Белая армия, составленная из этих элементов, растерявших силы, здоровье, веру в вертепах от Шанхая до Сан-Франциско, представляет сброд головорезов, героев контрразведок, спекулянтов, но не серьезную боевую силу.

Лучше сохранились кадры представителей торгово-промышленного класса, бежавших за границу. Уже простой факт, что представители капитализма имели в заграничных банках деньги, что спасало их не только от нищеты, но давало возможность сохранить «связь с мировой буржуазией, приспособиться за границей к делам», дает им теперь перевес по отношению к обломкам помещиков. Но и этот слой контрреволюции, организованный вокруг «Торгово-промышленного комитета» в Париже, очень ослаблен. Это выразилось даже в том факте, что русским нефтяным капиталистам пришлось перепродать значительную свою часть акций американскому и английскому нефтяному тресту.

И помещики, и капиталисты ставили ставку на две силы: внутри СССР—на кулака, вне СССР—на интервенцию. О том, что удастся им потянуть за собой основную массу крестьянства, а тем более рабочих, им даже и в голову

не приходило. Поэтому для них было ясно, что власть, которую надо поставить в случае победы интервенции, должна состоять в военной диктатуре, беспощадно ломающей отпор народных масс. Власть эта, по их мнению, должна обеспечить им возвращение имущества, помещикам же только выкуп. Но выдвигая в качестве диктатора старый генералитет в лице генерала Лукомского и пытаясь создать себе какую-то вооруженную силу в лице врангелевской армии, претенденты на роль хозяев России уже заранее капитулировали перед помещиками.

Но не надеясь на поддержку широких масс крестьянства, а тем более будучи убеждены, что рабочий класс будет отстаивать свою власть реально, и помещики, и капиталисты надеялись только на штыки иностранных капиталистов. Поэтому их отношение к интервенции значительно изменилось по сравнению с 1918—1920 гг. И в период первой интервенции действительными хозяевами положения были империалисты Антанты, ибо без их материальной помощи белые армии не могли даже возникнуть, а тем более сражаться. Деникинская армия возникла, пользуясь на деле, несмотря на свою антинемецкую ориентацию, прикрытием со стороны германской оккупации на Украине и войск Краснова, созданных с помощью немцев и снабжавших добрармию немецким оружием. Армия Колчака создалась за заслоном чехо-словацких войск, содержимых союзниками. Армия Юденича, как и Миллера, была просто создана Англией. Но так как белые армии возникли из офицерства, только что возглавлявшего царские армии, живущего еще свежим воспоминанием о могуществе царской России, то они не могли понять действительного соотношения сил, как оно возникло благодаря победе пролетариата в октябре 1917 г. Они чувствовали советскую власть очень кратковременной, себя—хозяевами России и рассматривали себя как союзников Антанты, а не как ее наемников. Поэтому, призывая к помощи Антанту, они относились враждебно к проявлениям захватнических тенденций Антанты. Достаточно указать только на факт борьбы Колчака с японцами, о которых он пишет Деникину, что они заняли Восточную Сибирь с корыстными, чисто империалистическими тенденциями. Деникин вступает в конфликт с командующим французским десантом в Одессе, который в конце концов запрещает формирование деникинских отрядов на своей территории. И Колчак, и Деникин не хотят признать отторжения от России Финляндии, Эстонии, Латвии, Грузии, Азербайджана, отмахиваясь от соответствующих требований союзников указанием на Учреди-

тельное собрание, которое должно решить эти вопросы, что означало на деле заявление: дайте нам только победить большевиков, и мы расправимся «с инородцами, предавшими Россию». Белые армии 1918—1920 гг. носили мундир английский и курили табак японский. Но они думали, что сражаются за «единую и неделимую».

Взывая теперь к интервентам, подготовляя совместно с влиятельными военными кругами империалистических держав новую интервенцию, остатки старых, господствовавших в России классов знают свой удельный вес. Зная, что народные массы в СССР за 13 лет организовались в мощное государство, что они будут драться на жизнь и смерть, зная, что белые не имеют никакой собственной серьезной вооруженной силы, они полагаются только на иностранные штыки, и поэтому они принуждены вперед согласиться с требуемой ценой за восстановление своего господства. Они признают не только отход от России бывших окраин, но должны согласиться на план польского империализма оторвать от СССР Украину, которая усмирена Польшей, и, находясь в той или другой форме под ее владычеством, должна стать на деле колонией Франции, не забывшей, что большинство вложений французского капитала в горную и металлургическую промышленность старой России размещено было на Украине. Денисовы, Лианозовы, Манташевы, продавшие акции своих нефтяных предприятий Детердингу, впредь соглашаются с тем, чтобы Кавказ ушел в той или другой форме к английскому капитализму.

А как выглядит мелкобуржуазная контрреволюция, это показал не только допрос вожаков группировки Кондратьева, допрос меньшевистской организации Громана, Суханова, но и свидетельские показания на суде проф. Юровского, одного из руководителей Кондратьевской группы. Простой факт, что обе эти группы жили на деньги, предоставлявшиеся русскими капиталистами из Торгпрома и французским генеральным штабом,—Юровский признал, что других средств, кроме предоставляемых его группе «Промпартий», у них не было,—говорит все. Все программы, стратегические и тактические соображения, развиваемые этими группами на их салонных собраниях, представляли бы собой только сотрясение воздуха, если бы даже были направлены против позиции помещичьих капиталистических контрреволюционных групп. Но об этом не могло быть и речи. Кондратьевцы стремились открыто к восстановлению капи-

тализма путем кулацкого восстания и интервенции. Проф. Макаров признал, что каковы бы ни были оттенки мнения насчет интервенции, в конце концов все они понимали, что другой серьезной силы, которая бы дала победу контрреволюции нет. И если господа меньшевики в своих разговорах притворялись, что не понимают положения, что предел их политики, это—блок с кондратьевцами, то все это были слабые увертки. И Суханов, собирающий в иностранных газетах все сведения, указывающие на приближающуюся интервенцию, этим выдавал с головою позицию меньшевистских организаций, ибо если бы Громаны и Сухановы были противниками интервенции, то, зная, что кондратьевцы будут поддерживать интервенцию, что они находятся в открытом блоке с «Промпартией», не составляли бы списков совместных правительств. Но вместе с тем меньшевики принимают участие в совместных совещаниях не только с агентурой французских интервентов и «Торгпрома» с представителями «Промпартии», но поставляют им по заказу и за вознаграждение доклады, цель которых им не могла не быть ясна, ибо они знали, что доклады эти нигде в печати не появляются. Как показало следствие, эти доклады входили в сводки, предназначенные для информации французского генерального штаба. Вожакам «Промпартии» не за чем было отправляться за границу, чтобы узнавать о готовности меньшевиков поддерживать интервенцию, их желании рука об-руку итти со всей контрреволюцией и играть роль фигового листа капиталистической контрреволюции и интервенции. Это было им ясно на основе позиции, занятой громановской группой.

Заграничные меньшевики, поднимающие большой крик по поводу этих наших обвинений по адресу их русской экспозитуры, поступают очень неосторожно. Не говоря уже о том, что многое, сегодня еще неизвестное, завтра может стать известным, они, лицемерно говоря против интервенции, не умели достаточно замести следов. В своей статье по поводу погромной брошюры Каутского против большевиков—как только появляются на гаризонте тучи интервенции, этот труп всегда оживает и прыгает навстречу империалистским полчищам с своими грандиозными знаменами-брошюрами—господин Абрамович, член зарубежного ЦК меньшевиков, пишет:

«Каутский прав, указывая, что ни одна из партий, борющихся с большевизмом, не имеет силы, даже приблизительно необходимой для того, чтобы в момент банкротства (большевиков—*К. Р.*) взять в

1058803 СФ 9389

БИБЛИОТЕКА

руки власть. Поэтому он считает необходимой кооперацию всех партий и групп, которые представляют демократические и социалистические слои рабочих, крестьян и интеллигенции. Он прав, указывая на необходимость работы этих трех специальных групп в отличие от известных правых русских социалистов, которые делают главный упор на сотрудничество с известными слоями либеральной буржуазии».

Эта статья появилась в декабрьском номере органа германских меньшевиков «Ди Гезельшафт». Что она означает, очень легко расшифровать. Ведь монархист, защитник помещиков, Милюков-Дарданельский выступает в последние годы в качестве вождя демократической крестьянской партии. Господа Рамзины и Ларичевы очень бы удивились, если бы им отказать в названии представителей интеллигенции. А господа Кондратьевы и Юровские, признающиеся, что организация их существовала на деньги, получаемые от «Промпартии», т. е. от Рябушинского и французского военного штаба, выдавали себя за представителей крестьянства. Известно, что меньшевик Абрамович, апеллирующий против большевиков и СССР к американской крупной буржуазии (см. нью-йоркский «Таймс» от 9 февраля),—единственный представитель русского пролетариата,—кто в этом может сомневаться? И вот этот «левый» меньшевик, отмежевывающийся якобы от правых русских социалистов (неизвестно, говорит ли он о Ст. Ивановиче, или о врангелевце Алексинском),—это картина, над которой слезы можно проливать. Защитники французских шпионов, отмежевывающиеся от «правых социалистов», которые делают главный «упор» на блок с либеральной буржуазией, это—зрелище для богов. А если делать не главный упор, а только просто упор на блок либеральной буржуазии, или если совсем не делать упора на блок с либеральной буржуазией, а брать деньги через господ Рамзиных от представителей совсем не либеральной буржуазии—от Рябушинского и французской контрреволюции,—что вы об этом скажете господин Абрамович?

Мелкобуржуазные и контрреволюционные группы находятся уже при подготовке контрреволюции полностью не только в подчинении, но в кармане у помещичье-капиталистических элементов, являющихся со своей стороны просто прикрытием империалистской интервенции. В этом факте находит свое выражение полное банкротство мелкобуржуазных контрреволюционных групп,

происшедшее за последние 13 лет. Именно потому, что эти группы и их программы потеряли всякую притягательную силу для масс рабочих и передового крестьянства, что название эсер и меньшевик стало для народных масс бранным словом, они должны были и впредь находиться под хвостом генеральской кобылы, отправляющейся в поход против большевиков.

Они не имели ни малейшей надежды обратиться к народным массам с программой, выступить под собственным знаменем. Они мобилизовались для последнего боя против социалистического наступления, ибо никогда в мире класс не сходит с исторической сцены без попытки сопротивления. Но они знали, что сами они не имеют за собой никакой массовой силы. Поэтому они и могли надеяться только на две силы: на кулака, который должен был, по их расчетам, сопротивляться коллективизации, и на армии иностранных империалистов, которые-де как хозяева мира не могут допустить такого несчастья, как строительство социализма в СССР. Но кулак в их глазах—стихийная сила, к ней пробраться эсеры не надеялись. Кондратьевы спрятались, как клопы за обоями Наркомзема и Наркомфина, в ожидании, что, когда кулак придет, они его возглавят. Меньшевики заявили вслух (это делает и Абрамович в своей статье и Дан в статье, помещенной в декабрьском номере австрийского меньшевистского органа «Дер Кампф»), что кулак может принести только контрреволюцию. Но на случай, что он все-таки устроит восстание и что Кондратьевым удастся его возглавить, они шли на блок с Кондратьевыми. Но и одни и другие побаивались, что централизованная власть пролетариата, опирающаяся на основную массу крестьянства, разгромит всякую попытку кулака восстать против коллективизации. И поэтому единственно реальная сила, на которую рассчитывали они, это—румынский боярин, польский пан со своими войсками и стоящие за ними *империалистические державы*.

Рамзины вообще не имели надежд на кулака и полагались только на французские штыки.

И этот оголтелый, совершенно оголенный характер контрреволюционных групп как агентов интервенции, несущих стране великого социалистического строительства, стране, о развитии которой капиталистический политик Ллойд-Джордж должен был сказать, что она проводит план, «*значение и размеры которого оставляют позади себя все, что история знает великого и мужественного*»—огонь, кровь истребление миллионов,—вот причина, почему эта контрреволюция выступила на процессе «Промпартии» в виде *трусли-*

вого паршивого шакала. Белые умели погибать молчаливо, когда имели какую-то идею, хотя бы идею защиты неделимости страны. Теперь, в качестве кондотьеров разбойничьего империализма, не умеющего в своих странах справиться с развалом капиталистического хозяйства, империализма, который пахнет гнилью, они представляют только падаль и гниль.

«ОТНЯТЬ СОЛДАТ У АНТАНТЫ»

На почве развертывающегося социалистического строительства грандиозно выросли силы революции в СССР. Они воодушевляются еще больше конкретной перспективой завершить построение фундамента социализма уже в текущем году. Старые враги разбиты победами пролетариата. Обломки старого, прогнившего мира, лишенного всякой идеи, которая могла бы одушевить какие бы то ни было широкие массы, представляют собою авангард армии империалистических захватчиков, которые мобилизуют силы гибнущего капитализма против сил растущего социализма. Русские разведчики, шпионы, диверсанты империалистических армий не могут даже показаться народным массам под собственным знаменем и без забрала. Они знают, чему служат, а служат они величайшему историческому преступлению, служат попытке растоптания великого трудового народа, которому несут только смерть. Это соотношение сил определяет уже нашу победу в случае, если бы интервенция стала фактом.

Но советский пролетариат может полагаться на победу еще по другой причине. «Победа, которую мы одержали, когда принудили убрать французские и английские войска, была самой главной победой, которую мы одержали над Антантой. Мы у нее отняли солдат, мы на бесконечное военное и техническое превосходство Антанты ответили тем, что отняли это превосходство солидарностью трудящихся против империалистских правительств», говорил Ленин 6 декабря 1919 г. в своей речи на VII съезде советов (т. XVI, стр. 406).

Если молодая советская республика, еще даже не умевшая реально взять в свои руки фабрики и заводы капиталистов и пустить их в ход, могла «отнять солдат у Антанты», то кто может сомневаться, что она их отнимет тогда, когда ее враги принуждены признать, что она стоит перед завершением дел, которые доказывают возможность коммунизма.

II. ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПРОСИТСЯ В СВИДЕТЕЛИ

Как и надо было ожидать, процесс меньшевиков вызвал большое движение в болоте II интернационала. Посыпались заявления и протесты, как из рога изобилия. Первым отозвался господин Эмиль Вандервельде, бывший председатель II интернационала, бывший министр бельгийского короля, соавтор Версальского договора. Он обратился от имени исполкома II интернационала с протестом прямо в Совнарком. Господа германские социал-демократы протестуют против обвинения их в финансировании контрреволюционной деятельности меньшевиков. Австрийские социал-демократы тоже протестуют, а господин Леон Блюм, собственник фабрики искусственного шелка и одновременно вождь французского социализма, спустил с цепи меньшевика Розенфельда для целой серии статей, направленных против Советского Союза. Как видно, органы пролетарской диктатуры схватили за шиворот того, кого следует, если весь II интернационал делает все возможное, чтобы доказать и невинность обвиняемых, и свою добродетель. Господа из II интернационала хотят, во-первых, чересчур много доказать, а во-вторых, доказывают свои тезисы очень противоречиво. Но раньше, чем взяться за разбор их доказательств, мы должны сделать одно предварительное замечание.

ИУДА ИСКАРИОТ В РОЛИ СВИДЕТЕЛЯ

Мы плохо понимаем, почему господин Эмиль Вандервельде избран исполкомом II интернационала для передачи советскому правительству протеста II интернационала. Видно, господа из исполкома II интернационала исходят из предположения, что этот господин снискал себе особое доверие советского правительства или общественного мнения Советского Союза. Это ложное убеждение основывается вероятно на том факте, что господин Вандервельде проездом в Китай, где восхвалял кровавого палача китайских рабочих и крестьян,

где глумился над сотнями тысяч казненных, растерзанных, замученных китайских коммунистов, был так любезен, что сочинил один-два фельетона о СССР, в которых—о, великий объективизм господина Вандервельде!—он признал, что мы здесь, в СССР, не живем на займы у богатого дядюшки, а развиваем хозяйство нашей страны собственными силами.

Эти статьи господина Вандервельде и следующая его статья, в которой этот великий борец за освобождение человечества высказывается против того, чтобы СССР бойкотировали или разрушали войной, послужили основой для неумного расчета господ из II интернационала, что голос господина Вандервельде может иметь какой-нибудь авторитет в СССР. Да, если сравнить статьи Вандервельде с подлейшей и бессмысленнейшей клеветой, которую ежедневно печатает о СССР «Форвертс», или с выпадами парижского «Попюлер», часто ничем не отличающимися от выпадов «Матен», то Понтий Пилат-Вандервельде по сравнению с ними может сойти почти за европейского либерала, хотя надо признать, что либеральный «Манчестер гардиен» и орган английской торговой буржуазии «Экономист» печатали статьи далеко более объективные, чем статьи господина Вандервельде.

С буржуазией, пытающейся с нами торговать, признающей наши хозяйственные успехи, мы готовы торговать. Но если эта буржуазия пытается вмешиваться в наши внутренние дела на основе того, что предпочитает с нами торговать, чем драться, то мы ей отвечаем: руки прочь!

Но господин Вандервельде не заслуживает даже того доверия, которое является основой торговых сделок, ибо у господина Вандервельде на лбу историческое клеймо предателя рабочего класса. Господин Вандервельде был председателем того самого исполкома II интернационала, который присягал на Базельском конгрессе в 1912 г. возглавить борьбу международного пролетариата на случай империалистской войны. Исполком II интернационала с господином Вандервельде во главе перебежал на сторону буржуазии раньше, чем раздался первый выстрел. С того момента господа вожди II интернационала с господином Вандервельде во главе в глазах всякого честного рабочего—вероломные люди. Представители Коммунистического интернационала сказали это господину Вандервельде в лицо в 1922 г. на конференции трех интернационалов, когда он требовал как условия совместных действий рабочего класса против надвигающегося наступления капиталистов доверия к себе, доверия ко II интернационалу. Ни

на копейку доверия!—ответили ему тогда представители III интернационала. И когда господин Вандервельде обращается к Совнаркому СССР с миной беспристрастного свидетеля, которого ведь никто не может заподозрить в том, что он в состоянии прикрывать контрреволюционные действия, направленные против интересов рабочего класса, то мы говорим ему и говорим тем, которые дали ему поручение: не забывайте, господа, кто вы такие. Вы обагрены кровью миллионов рабочих, которых вы погнали во имя империалистской прибыли на войну и которых вы удерживали от борьбы против войны. Вы обагрены кровью 30 тысяч рабочих Германии, убитых по вашему приказу белогвардейцами, с которыми вы заключили союз против пролетариата. Вы обагрены кровью рабочих Финляндии, ибо ваша финская социал-демократическая партия есть столп белой финской реакции. Вы обагрены кровью болгарских рабочих, ибо ваша партия поддерживала правительство кровавого палача Цанкова. Вы обагрены кровью польских рабочих, ибо ваша польская социалистическая партия помогала фашистскому режиму в Польше, вотируя ему кредиты даже на шпионов.

Мы думаем, что достаточно ясно объяснили господину Вандервельде, почему его выступление в роли свидетеля более чем неуместно, даже если отвлечься от отношения II интернационала к СССР, о чем речь впереди.

Но теперь перейдем к аргументам лжесвидетелей из II интернационала не потому, что они заслуживают хотя бы малейшего внимания, а потому, что хотим показать нашим рабочим, с какой гнусной ложью смеют к ним обращаться господа из II интернационала.

РУССКИЕ МЕНЬШЕВИКИ И ИНТЕРВЕНЦИЯ

Господин Вандервельде заявляет: «Исполком Социалистического рабочего интернационала поддерживает постоянную связь с русской социал-демократической партией и внимательно наблюдает за ее деятельностью. Он знает, что русская социал-демократия в борьбе, которую она ведет против большевистской диктатуры, решительно выступает против всякой контрреволюционной интервенции в СССР, что она является безусловным противником всех попыток организовать восстание, имеющее целью насильственное свержение советского режима».

Мы припомним простейшие факты, известные всякому советскому рабочему, но которые исполком II интернационала

хотел бы забыть так же, как господин Вандервельде и его соратники хотят забыть свое предательство во время войны, как господа Вельс, Мюллер хотели бы забыть кровь германских рабочих, ими пролитую, и т. д., и т. д. Мы окинем взглядом карту СССР, местности, захваченные в 1918—1920 гг. белогвардейцами и интервентами, и спросим: что же делали меньшевики в то время, когда в этих местностях скрипели виселицы под тяжестью повешенных рабочих, когда в этих местах земля пропиталась пролитой белыми кровью рабочих и крестьян?

Во всех областях, охваченных чехо-словацким восстанием, меньшевики принимали участие в борьбе против большевиков с оружием в руках. Как относились к этому их организации? Мы приведем несколько их решений. Общее собрание меньшевиков в Самаре принимает резолюцию: «В интересах спасения Самары от полного разгрома, а ее населения от полного уничтожения разъяренными и мстительными большевистскими бандами, в интересах демократии, народовластия и олицетворяющего его учредительного собрания в армию вступать надо, в армию вступать обязательно». В Казани меньшевистский губернский комитет публикует в сентябре 1918 г. в своем органе «Рабочее дело» следующее: «Губернский комитет заявляет, что все силы его, физические и духовные, отдаются в распоряжение комитета членов учредительного собрания и подчиненной ему воинской части для использования против врагов рабочего класса». В последнем номере газеты «Рабочее дело», появившемся перед занятием Красной армией Казани, она сообщала: «Весь состав редакции, кроме редактора, вместе с губернским комитетом РСДРП, вступивши добровольцами в ряды армии, был занят исполнением поручений военных властей».

В августе 1918 г. англичане занимают Архангельск, громят большевистские организации, расстреливают большевистских рабочих, прикрывая свою разбойничью, грабительскую деятельность правительством из эсеров и кадетов.

На другой день после низвержения большевистской власти штыками английского империалистского десанта на собрании профсоюзов меньшевик Сальперн вносит резолюцию за полную поддержку белой власти, являющейся фиговым листком империализма.

О том, как грузинские меньшевики призвали в 1918 г. против большевиков германские войска, как они расправлялись

до момента своего падения в 1921 г. с большевиками, как они поддерживали Деникина и Врангеля,—мы здесь говорить не будем. Все это было господину Вандервельде и II интернационалу рассказано на конференции трех интернационалов в 1922 г. Присутствовавший на этой конференции меньшевик Церетелли не смел даже пикнуть ни слова, что меньшевики в 1923 г. организовали на деньги Детердинга восстание—это факт, который господин Вандервельде может узнать из любого исторического справочника.

Тот факт, что меньшевики поддерживали интервенцию и Деникина на Украине и на Юге, уже был в нашей прессе неоднократно освещен. В Одессе действовал тогда во главе меньшевистской организации тот самый господин Гарви, который принадлежит к так называемой заграничной делегации ЦК меньшевиков, который ежедневно в «Форвертс» поддерживает всякую клевету против СССР, пущенную в ход русскими белыми и заправилами трестов, подготовляющими интервенцию против СССР. В Киеве, как это было доказано на публичном суде после восстановления советской власти, меньшевики получали субсидию от союза промышленников. Орган, издаваемый меньшевиками в 1919 г. в Харькове, «Мысль»,—орган, в котором сотрудничали Мартов, Дан, Абрамович и Далин, вот как высказывался по поводу прихода деникинских войск:

«Для всех было ясно, что Харьков падет, но никто из нас не ожидал таких настроений, которые объединили в первые дни самые разнородные элементы. Создалась какая-то видимость чуть ли не национального праздника, словно заживо погребенные внезапно вышли из могилы и приветствовали восход солнца».

Мы прекратим дальнейшие цитаты. Мы готовы прислать исполкому II интернационала книгу т. Вардина «Революция и меньшевизм» (Гиз, 1925), в которой он может найти дальнейшие сведения о роли меньшевиков во время интервенции. Но мы не можем не привести еще двух принципиальных заявлений. Уже после победоносного окончания гражданской войны рабочим классом СССР вождь, учитель чуть ли не пророк, Аксельрод писал в «Социалистическом вестнике»:

«Наше моральное политическое право на борьбу с большевиками всякими, хотя бы и военными средствами, являлось и является для меня предпосылкой, не требующей доказательств и вытекающей из того факта, что советская власть так же мало, как и царская, или даже еще меньше способна добровольно отказаться от своего деспотического режима и

потому, как последняя, осуждена на насильственное низвержение».

Этим фактам господа меньшевики обыкновенно противопоставляют то, что во времена интервенции они в Москве принимали резолюции, с одной стороны, против большевиков, с другой стороны,—против интервенции и что две дюжины меньшевиков пошли добровольцами на фронт. Да, такие двусмысленные резолюции были вырваны у меньшевиков из горла железной решимостью рабочих не допустить победы белых. Они не могли, не посмели выступить в Москве в защиту контрреволюции и интервенции. Но этим резолюциям грош цена. Ибо они не только не в состоянии вычеркнуть из истории то, что делали меньшевики во всех областях, занятых белыми, но вдобавок никогда ЦК меньшевиков не решался порвать с теми открытыми предателями, которые сражались в белых армиях против Красной армии и высказывались от имени целых меньшевистских организаций за интервенцию, за вооруженное низвержение большевизма. С одной стороны, контрреволюционные деяния целых меньшевистских организаций, с другой,—двумысленные слова нескольких лидеров, которым революция приставила штык к груди.

Тот факт, что исполком II интернационала, что господин Вандервельде смеют выступать с отрицанием этих фактов, клеймит их как сознательных лжецов. Но оставим прошлое и присмотримся к свидетельским показаниям господина Вандервельде и его соратника «по текущему моменту».

ВРИТЕ, ГОСПОДА, НО ЗНАЙТЕ МЕРУ

Господин Вандервельде под присягой удостоверяет не только невинность господ Дана, Абрамовича и других меньшевиков, за деятельностью которых, по его словам, следит внимательно II интернационал, господин Вандервельде удостоверяет невинность сидящих на скамье подсудимых в Москве господ Громана, Суханова, Шера и т. д. Он пишет, что «привлечение к революционному суду людей, чье прежнее поведение и чьи убеждения, непрерывно ими высказываемые, противоречат обвинению, которое против них выдвигается, представляет собою скандальное злоупотребление силой». Откуда господин Вандервельде знает поведение и убеждения господ Громанов, Шеров и Сухановых? Разве исполком II интернационала за их деятельностью тоже внимательно следил? Но ведь не только «Форвертс» от 27 февраля называет их «мнимыми социал-

демократами, которые уже больше чем 11 лет не имели никакой связи ни с партией меньшевиков, ни с европейским Бундом», но то же самое утверждают и Дан, Абрамович и К°. Одиннадцать лет меньшевики заграничные не имели никаких сношений с обвиняемыми, и вдруг исполком II интернационала великолепно осведомлен, что они против интервенции и против вредительства. Ну, господа, вышло нескладно, признавайтесь! Или вы ничего не знаете и не можете знать, как развивались взгляды обвиняемых в продолжение одиннадцати лет, или у вас была с ними связь.

Господа Дан и К° рассказывают сказки о вынужденных показаниях обвиняемых. Господин Вандервельде повторяет эту клевету на советскую власть с нагльм и невинным лицом. Но и эта клевета оборачивается против него самого. Ежели люди, из которых большинство имеет за собой четверть века общественной деятельности, оказались способны под угрозой не только выдать себя за вредителей, за союзников, наемных агентов французской разведки, но еще взвалить ответственность за свои деяния на бывших своих партийных вождей, то как же можно присягать, что эти люди, будучи убеждены, что приближается интервенция, не перешли на сторону контрреволюции из страха, что в случае победы интервентов белые привлекут их к ответственности за службу в советских учреждениях на ответственных постах. Или—или! Или обвиняемые—люди, за политические убеждения и действия которых II интернационал может принять ответственность,—тогда они с ним связаны и тогда незачем притворяться, что между ними и заграничными меньшевиками нет никакой связи. Или это люди, способные под угрозой делать все, что им продиктует страх. Тогда как может II интернационал принимать ответственность за их действия?

Как смешно врут господа защитники меньшевиков, видно из их заявлений по поводу показаний обвиняемых, что они получали от заграничного центра меньшевиков деньги, исходившие от германской социал-демократии. Господин Дан в своем заявлении признал, что часть средств заграничное представительство меньшевиков получает от братских партий. Германская социал-демократия заявляет, что она не давала ни копейки. Господин Гильфердинг заявляет даже, что он не давал никогда ни одного пфеннига ни Абрамовичу, ни Дану, ни какому-либо другому русскому социал-демократу. Если начать с господина Гильфердинга, то приходится сказать: есть чем хвастаться! Господин Гильфердинг—издатель журнала «Гезельшафт», в котором передовицы пишет русский меньшевик Денике, в котором статьи

печатают Дан, Абрамович и Шифрин. Что же, господин Гильфердинг эксплоатировал их труд, не платя ни копейки, в порядке добровольности или принуждения? Г-н Гильфердинг известен как скряга. Но что он пользуется «принудительным трудом» русских меньшевиков,—такой подлости мы даже не предполагали.

А что сказать про германскую социал-демократию? Она полна возмущения по поводу борьбы «большевистских деспотов» с ее товарищами по II интернационалу. Она проливает слезы по поводу страданий русского пролетариата, который призывают к борьбе меньшевики. Все другие братские партии дают деньги меньшевикам, ибо ведь камень заплакал бы, смотря на их страдания. А самая крупная партия II интернационала, германская социал-демократия, не дает ни одной копейки! Так и хочется сказать вместе с Собакевичем: «Единственный порядочный человек—прокурор, да и тот свинья».

МЫ СВИДЕТЕЛЕЙ ДОПРОСИМ!

II интернационал вмешался в московский процесс. Его прокуратура не посадила на скамью подсудимых. Ей достаточно судить русских меньшевиков. II интернационал сам явился на процесс. Он хотел сыграть роль свидетеля. Хотя свидетелям, которые на основании своих показаний могут попасть на скамью подсудимых, во всех странах закон позволяет отказаться от дачи показаний, господа из II интернационала не захотели воспользоваться правом молчания. Пусть на себя пеняют!

Мы их допросим.

III. СВИДЕТЕЛЬ ФРИДРИХ ЭБЕРТ

Второй интернационал выступает в качестве свидетеля невиновности русских меньшевиков. Он свидетельствует о том, что они всегда боролись против интервенции, он свидетельствует о том, что они неспособны подготовить ее тайком. Мы не можем отказаться выслушать такие важные показания. Мы должны их самым тщательным образом проверить. Мы должны познакомиться со свидетелями. Начнем со свидетеля Фридриха Эберта. Он уже мертв, говорить не может, но за него говорит вся его деятельность, первого после смерти Бебеля председателя германской социал-демократической партии, а затем первого президента Германской республики.

☆

Над человечеством нависла угроза войны. Оно не могло еще конкретно представить себе все страдания, которые его ожидают. Солдаты, будущие жертвы войны, еще только обсуждали газетные сведения о переговорах правительств. Матери думали с тревогой о своих детях, но война была еще только абстракцией, возможностью, призраком.

В штабе германской социал-демократии, самой сильной партии II интернационала, больше других знали об опасностях войны. Во главе этого штаба стояли ведь люди, взращенные долгой историей рабочего движения. Им с колыбели рассказывали отцы про войну 71 года, им в детстве с гордостью матери рассказывали о том, как бисмарковское правительство в кандалах вело в крепость Франкенштейн вождей молодого германского рабочего движения, протестовавших против войны. В продолжение последних лет угроза войны появлялась постоянно, и интернационал, стержнем которого они были, принял решение о том, какая это будет война и как против нее бороться. Он определенно сказал, что это будет империалистическая война и что долг всякой рабочей партии—против нее бороться.

Наследник Бебеля, шорник Эберт, долго взвешивал в своем

сердце, что делать. Он знал, что такое война, он знал, что борьба против нее—дело не легкое, он знал, что решение германской социал-демократии есть решение судеб интернационала. И пролетарский вождь Эберт принял решение. Рука его, лежащая на руле партии, не дрогнула. Руль не был повернут налево, рабочие массы не были призваны к борьбе. Пусть в «Форвертсе» Штребель и Деймих клеймят германский империализм, это даже хорошо, это ободрит французских товарищей к оппозиции против французской военщины. Но Эберт не станет жертвой «старых фраз»: сотни миллионов марок в кассах профсоюзов, 10 тысяч старых товарищей на содержании кооперативов, профсоюзов и партийных организаций. Только младенцы могут с этим играть. И во имя чего играть? Во имя фраз о революции! Какая революция возможна и зачем она? Революция в Германии, зависящей от привоза иностранного хлеба, зависящей от своей работающей на экспорт промышленности? Разве это не сумасшествие? Так же, как думал Эберт, думал Легиен, вождь профсоюзов. Три слова, и они сговорились. И 31 июля, когда еще «Форвертс» и 70 других социал-демократических газет изобличали германский империализм, провод разносит шифрованную телеграмму германского военного министерства, разосланную командующим округами.

«По достоверным сведениям, социал-демократическая партия намерена занять такую позицию, которая подобает всякому немцу при данных обстоятельствах. Считаем своим долгом довести это до вашего сведения, дабы командование имело это в виду при своих мероприятиях».

Генералы из военного министерства, люди твердые, опытные, знали великолепно, что будущее войны, будущее германского империализма зависит от того, как будет держаться сильнейший отряд II интернационала—германская социал-демократия. Целые годы генеральный штаб держал наготове приказ об аресте вождей социал-демократии на случай войны, и один из таких приказов был опубликован в 1907 г. на партийном конгрессе делегатом из Эссена, социал-демократом Лимберцем. Кто дал военным властям Германии уверенность в том, что им нечего опасаться социал-демократии,—это еще по сегодняшний день неизвестно. И телеграмма 31 июля нам известна только благодаря тому, что она попала по недосмотру в материалы многотомного исследования комиссии послевоенного рейхстага, посвященного возникновению войны. Но только два вождя со-

циал-демократии имели достаточный авторитет в глазах правительства, чтобы на основании их заверений имперское правительство приказало своей военщине не трогать социал-демократов. Этими людьми были Эберт и Легиен.

Война объявлена. Правительство созывает рейхстаг, дабы пресловутая демократия поставила свой штамп на решении империализма. Кроме пушек, для войны ведь нужна ложь; но господа генералы не боятся никакой неожиданности. Г-н Эберт тоже не боится неожиданностей со стороны социал-демократической фракции. Он хорошо знает ее большинство. Поговорят, старик Каутский разложит на столах все книги Маркса, будет искать в них цитаты, исказив которые, можно будет предать пролетариат, сказав, что, с одной стороны, нельзя не защищать отечество, а с другой,—нельзя поддерживать империализм.

Адвокат Гаазе поднимет указательный палец и будет своим резким восточно-прусским акцентом доказывать необходимость международной солидарности пролетариата, но согласится с тем, что отечество надо защищать. Нескольким левым как-нибудь зажмут рот. Пусть утешаются дискуссиями,—дело уже решено. Если Эберт чего-либо боялся, то только того, что генералы вдруг не поверят его заверениям. Ведь столько лет социал-демократия гремела против империализма. А может, они примут все заверения социал-демократии в лойяльности за военную хитрость? Эберт—человек дела, он доверяет отечеству миллионы жизней германских рабочих, но на всякий случай 31 июля выезжает в Швейцарию, захватив с собою партийную кассу.

Эберт хорошо рассчитал. 3—4 августа социал-демократическая фракция приняла большинством всех против 14 решение о голосовании за военные кредиты. Правительство поверило заверениям, данным ему ранее авторитетными вождями социал-демократии. Переход ее от классовой оппозиции капиталистическому правительству к роли его главной опоры в войне прошел без всяких недоразумений. Военное положение во всех странах зажало рот пролетариату, его революционным представителям. Германский империализм выиграл самое большое сражение в этой войне, победил и разбил рабочий интернационал.

Кто может сомневаться в том, что Фридрих Эберт, вождь германской социал-демократии, наследник Бебеля, имел бы право, положа руку на сердце, свидетельствовать о том, что русские меньшевики—кровь от крови, плоть от плоти тепе-

решней германской социал-демократии—не в состоянии помогать тайком подготовке интервенции и одновременно говорить, что они против интервенции.

*

Четыре года шла кровавая резня. Четыре года гибли миллионы на полях сражения, гибли миллионы детей от отсутствия молока, от истощения матерей, но социал-демократия с Фридрихом Эбертом во главе непоколебимо рисовала рабочим картины будущего мира, когда «освобожденный германский народ» в союзе со «свободными культурными народами Запада» заключит мир, а за все уплатит негодяй-царь, лишившись престола. Пришел 1917 год. Царь потерял престол. Империалистическая Германия в наказание за грехи царя навязала тем, кто разрушил не только царизм, но и буржуазный строй в России, каторжные условия Брестского мира. Социал-демократия с г. Эбертом во главе оправдала Брестский мир.

Но пришел момент, когда «культурные народы» Запада, отрезав Германию от всякого привоза, заморив ее голодом, бросились в последнюю бешеную атаку против потрясенной, ослабленной германской армии, начали ее гнать танками, газами и аэропланами обратно к германским границам. Трон Вильгельма II, трон Гогенцоллернов заколебался. Социал-демократия пытается покинуть тонущий корабль, как крыса. Она требует мира. Но требование республики она не только не выдвигает, а, наоборот, умоляет правительство принца Баденского уговорить кайзера отказаться от престола, дабы спасти престол для его внука. Кайзер не может решиться. Переговоры идут без конца. Социал-демократия удерживает рабочих Берлина от выступления. В Киле матросы поднимают восстание, социал-демократ Носке спешит уговорить их сложить оружие. Наконец 9 ноября 1918 г. рабочие Берлина бросают фабрики, наводняют город своими толпами, солдаты братаются с ними, нигде не слышно выстрелов. Либкнехт во главе рабочих масс занимает императорский дворец и с его балкона провозглашает советскую республику. Сведения об этом приходят в рейхстаг. Демагог Шейдеман чует опасность. Масса вырвалась из рук социал-демократии,—надо ее удержать.

«Либкнехт объявляет советскую республику! Положение было мне ясно. Я знал его требование передать всю власть солдатским и рабочим депутатам. Германия—русская провинция, филиал Советов! Никогда! Победит тот, кто возьмет массу в свои руки по-большевистски или по-социал-демократически.

Я видел русское сумасшествие. Представить себе замену царских ужасов большевистскими!.. Нет, только не допустить этого в Германии после всего, что она пережила. Я уже стоял на окне».

Из окна рейхстага Шейдеман провозглашает Германскую республику. Совершив этот геройский подвиг, он возвращается в ресторан рейхстага, чтобы подкрепить свои революционные силы. Но Эберт принимает его с бешенством. «Когда Эберт узнал, что я сделал, он ударил кулаком по столу и закричал: «Разве это правда?» Когда же я ему ответил, что это не только факт, но что иначе нельзя было действовать, он устроил мне сцену, которая была для меня совершенно загадочна. «Ты не имел права объявлять республику. Будет ли Германия республикой или нет,—это решит только Учредилка». Как мог такой умный человек так ошибочно оценивать положение, чтобы даже 9 ноября говорить еще о регентстве, о заместительстве кайзера и другой монархической рухляди, фактически обанкротившейся? Теперь, много лет после этого великого дня я лучше понимаю поведение Эберта, ибо теперь перед нами много книг и докладов, из которых видно, что тогда велись интимные переговоры о монархии, о заместительстве кайзера, о которых я не знал. Эберт считался поэтому в известной мере связанным».

Шейдеман рассказывает чистосердечно в своих мемуарах (т. II, 1928, стр. 313), как вождь германской социал-демократии, демократ и республиканец Эберт за спиной не только рабочих масс, не только социал-демократической партии, но даже за спиной своих ближайших товарищей из правления германской социал-демократии спасал престол для «вольного народа». Г. Шейдеман умолчал обо всем этом в своей книге «Катастрофа», изданной в 1921 г. Ему развязал язык только тот факт, что принц Баденский, последний рейхсканцлер кайзера, в своих «Воспоминаниях» выболтал тайну. «Я встретил Эберта,—рассказывает принц Баденский,—утром одного в саду (дворца рейхсканцлера). Я сказал ему о предполагаемой моей поездке. «Вы знаете, что я намерен делать, если мне удастся убедить кайзера (отказаться от престола — *К. Р.*)? Будете ли вы на моей стороне в борьбе против социалистической революции?» Эберт ответил без колебаний, недвумысленно: «Если кайзер не отречется, социалистическая революция неизбежна, но я не хочу ее, я ненавижу ее как грех».

Благочестивый Эберт ненавидел революцию как грех, и поэтому умолял, чтобы кайзер пожертвовал собой во имя спасения престола и буржуазии. Но когда колебания кайзера привели к краху монархии, к революции во всей Германии, Эберт принимает власть из рук сметанного революцией императорского правительства, создает совместно с независимцами правительство, прикрывшееся с первого момента знаменем социалистической революции, правительство, назвавшее себя правительством народных комиссаров. Он обращается к народным массам с воззванием: «Вышедшее из революции правительство, руководство которого есть чисто социалистическое, ставит себе задачей осуществление социалистической программы».

Господин Эберт не прочь был допустить в это правительство даже Карла Либкнехта. Разве социализм не для всех? Почему не разрешить Карлу Либкнехту, несмотря на его прегрешения, потрудиться для блага народа? Но испорченный влиянием Москвы Карл Либкнехт не захотел совместно с г. Эбертом осуществлять социалистическую программу. Г. Эберт нашел других сотрудников.

☆

«В то время как новые правители, несмотря на усталость и истощение, вызванные неслыханным напряжением этого дня, спорили о проблемах революции, Эберт сидел у телефона и вел переговоры с первым генерал-квартирмейстером в Спа (ставка) об отношении офицерского корпуса и армии к революции и рождающемуся государству».

Так описывает вечер 9 ноября 1918 г. архивариус Фолькман в своей книге «Революционная буря над Германией» [1]. В этой книге переданы по стенографическим записям ставки многие разговоры, которые велись Эбертом с генерал-квартирмейстером Гренером, теперешним военным министром. Германский генералитет, сохранивший в момент крушения империи привычку к порядку и записывающий стенографически все важные разговоры, имеет большую заслугу перед историей человечества.

Узнав от генерал-губернатора, что он и фельдмаршал Гинденбург готовы совместно с новым правительством работать над сохранением порядка, что они даже готовы вести мирные

[1] Volkmann, Die Revolution über Deutschland, 1930.

переговоры с только что возникшими солдатскими советами, Эберт спросил генерала Гренера, чего командование ожидает от «социалистического правительства».

Гренер на деловой вопрос ответил деловым требованием помощи при отправке армии домой и о снабжении.

Но Эберт настойчиво спрашивает дальше: «Чего еще?»

Генерал Гренер открывает свою душу: «Офицерский корпус ожидает от правительства борьбы против большевизма и предлагает для этого свои услуги».

Они друг друга поняли с одного слова.

Помолчав момент, Эберт ответил: «Передайте, г. генерал, фельдмаршалу благодарность правительства».

Сделка состоялась.

Генерал Гренер посылает в Берлин для детальных переговоров с Эбертом своих уполномоченных: полковника Гефтена и майора Харбу. Они для бесконтрольной связи Эберта со ставкой, переехавшей из Спа в Вильгельмсхее под Касселем (где когда-то Бисмарк держал попавшего в плен под Седаном Наполеона III), проводят тайный прямой провод, соединяющий письменные столы Эберта и Гренера (существование этого провода подтверждает Шейдеман). Главные переговоры происходили с глазу на глаз между Эбертом и уполномоченными старого, вильгельмовского командования. Они, видя опасность нарастающей социалистической волны, решили концентрировать все свои усилия на спасении буржуазии. Они извещают офицеров ставки о своей сделке с вождями социал-демократии.

«Мысль, что социал-демократия—враг буржуазного государства—в момент своей победы не только заключает мир, но даже союз с офицерским корпусом, могла казаться сумасшествием. Но надо было пойти на эту попытку. Эберт умен и нужда отечества движет его сердцем», так излагает думы Гренера архивариус Фолькман. На собрании штаба один из офицеров спрашивает Гренера: «Может ли главное командование во имя союза с Эбертом отказаться от всякого контрреволюционного движения в пользу монархии?»

«Нет никакого выбора,—отвечает Гренер,—сегодняшний день требует жертв для спасения того, что еще можно спасти».

Гренер первый генерал-квартирмейстер, заменивший на этом посту Людендорфа, Гренер ближайший помощник Гинденбурга, и Эберт—глава «чисто социалистического правительства», по-

ставивший себе задачей «проведение в жизнь социалистической программы», берутся за спасение буржуазного строя.

Что нужно было для этого сделать? Во-первых, нужно было сохранить в руках офицерства остаток армии, как оплот насилия над рабочими массами, которые,—не исключая правых социал-демократических рабочих,—после четырех лет войны переполнены были ненавистью к старой армии, ненавистью к офицерскому слою, олицетворявшему старое господство помещиков и капиталистов. Во-вторых, надо было разоружить революционных рабочих, в руки которых попало много оружия. В-третьих, нельзя было допустить, чтобы новые органы власти—советы рабочих и солдатских депутатов—разрушили старые органы власти и прибрали власть к рукам. Только разоружение революционных рабочих гарантировало созыв учредилки. Об этом вел втайне переговоры Эберт с представителями Гренера, которые известили его, что с 5 декабря Гренер начинает сосредоточивать девять дивизий в окрестностях Берлина. Между 10 и 24 декабря можно начать разоружение берлинских рабочих. Эберт боится за исход этого дела.

«Исход,—внушает ему майор Харбу,—зависит от скорости и решительности действий возвращающихся с фронта солдат, желающих поскорей попасть домой. К рождеству большинство войск разбежится. До этого времени все должно быть сделано». Майор Харбу сообщает Гренеру, что у него создалось впечатление, что «Эберт желает не нести ответственности за эти шаги. Он, видно, предпочитал бы, чтобы внешне по отношению к своим коллегам по правительству и по партии он остался свободен (от ответственности—*К. Р.*) и был поставлен перед совершившимся фактом». Эберт отпускает его, не высказавшись против планов Гренера и фельдмаршала Гинденбурга. Но он этот план скрывает не только от рабочего класса, от социал-демократических масс, но и от своих коллег по правительству. Одновременно он дает интервью американской прессе, что его правительство стоит на почве идеалов Линкольна. Оно хочет быть правительством народа, для народа и через народ.

Германский народ создал себе везде, по примеру русских рабочих, советы рабочих и солдатских депутатов. Уничтожение этих советов, сведение их к нулю было вторым пунктом в переговорах между Эбертом и посланцами вильгельмовского генералитета. На поддержку этим посланцам сам фельдмаршал Гин-

денбург обращается 8 декабря с письмом к Эберту, в котором требует, чтобы вся власть осталась в руках старых государственных учреждений. Рабочие и солдатские депутаты должны иметь только совещательный голос.

«В ваших руках,—пишет Гинденбург Эберту,—судьба германского народа. От вас зависит, сможет ли он подняться. Я и самый младший в армии готовы вам оказать полнейшую поддержку... Мы хотим, чтобы оздоровление государства не было оттянуто на десяток лет, мы не хотим, чтобы ослепление и глупость целиком разрушили основы нашей жизни».

Эберт обещает, что съезд советов ограничит права солдатских советов и восстановит власть офицерства. Но несмотря на то, что социал-демократы, идущие под руководством Эберта и Шейдемана, имели на съезде громадное большинство, съезд советов боится восстановления власти старого генералитета. Он принимает решение о скорейшем созыве учредилки, он—за демократию, против пролетарской диктатуры, но он хотел бы демократии в том виде, в каком она живет в воображении Маниловых из мелкой буржуазии,—демократии без органов насилия капитала над народом. Поэтому он принимает так называемые 7 гамбургских пунктов, которые устраняют офицерские привилегии, вводят выборность офицеров, легализуют солдатские советы. Майор Харбу извещает Гренера «о предательстве» Эберта. Ставка решает не подчиняться. Эберт дрожит у себя в кабинете перед гневом ставки, и, не выждав обращения к нему Гренера, сам звонит к нему. Запись, приведенная у Фолькмана, сохранила истории этот разговор.

Эберт: запрашивает, как относится главное командование к решениям конгресса.

Гренер: «Г. фельдмаршал считает решение конгресса нарушением обещания, сделанного ему в первые дни революции. Он не признает этих решений законными, ибо они предвосхищают решения учредительного собрания».

Эберт отвечает устало: «Я усиленно прошу ваше превосходительство не спешить, пока не будут исчерпаны все возможности для улажения конфликта».

Гренер: «Не мы этот конфликт начали и не наше дело его улаживать».

Эберт: «Мы должны попытаться умелым поведением устранить этот неприятный вопрос. Я надеюсь при этом на вашу поддержку, или вы считаете, что можете что-ни-

будь сделать силой, думаете, что у вас в руках достаточные средства насилия?»

Гренер: «Мы приняли наши решения, и они окончательны».

Эберт: «Не были ли бы вы так благосклонны мне их сообщить?»

Гренер: «В данный момент я могу вам сказать следующее: до тех пор, пока мы считаем, что ваши намерения отвечают благу всего народа, до тех пор, пока нам позволят наши убеждения, мы будем итти совместно с вами. Когда это окажется невозможным, то мы заявим вам об отказе в нашей поддержке, поставив вам соответствующий срок».

Получив эту угрозу, Эберт приглашает Гренера приехать 20 декабря в Берлин для дальнейших переговоров.

20 декабря Гренер, приехав в Берлин, добивается на заседании с Эбертом и Шейдеманом отмены решений съезда советов насчет ограничения прав офицерства. Они не будут проведены в жизнь. Уже перед приездом Гренера Шейдеман и Эберт бешеной атакой добиваются отклонения всех предложений признать советы источником власти. Они добиваются созыва учредилки. Ни рабочие массы вообще, ни демократические в частности не знали, что все эти решения были проведены под непосредственным нажимом вильгельмовского генералитета.

Но генералы контрреволюции—люди деловые. Они знали, что если не разоружить рабочих, то и созыв учредилки может остаться на бумаге. Поэтому они требуют скорейшего применения войск, находящихся в их руках, для разоружения рабочих. для для разоружения матросской дивизии в Берлине и новой полиции, созданной независимцем Эйхорном, перешедшим позже в ряды коммунистической партии. Они спешат, ибо почва ускользает из-под их ног. Армия устала от войны. Вернувшись с фронта, она добивается немедленного роспуска. Ее удерживают под разными предлогами, но неизвестно, как долго это может продолжаться. Эберт боится раскрыть карты, чтобы не потерять влияния на социал-демократических рабочих, чувствующих, что за генералитетом старой армии скрывается контрреволюция. Он хотел бы дождаться событий, которые могли бы послужить предлогом для нападения на рабочих, и, когда 23 декабря матросы занимают правительственное здание, требуя уплаты им жалованья, Эберт вызывает по телефону заместителя генерала Гренера—майора Шлейхера.

«Г. майор,—кричит он в испуге,—вы мне обещали помочь в подобных случаях, как теперешний. Действуйте немедленно».

«Я распоряжусь,—отвечает майор Шлейхер,—чтобы правительственные войска генерала Лекн немедленно двинулись для вашего освобождения. В данный момент ничего больше сделать не можем. Может, после того, как мы пропустили целый ряд благоприятных случаев, удастся теперь справиться с радикалами».

Но раньше, чем генерал Лекн мог спасти «чистое социалистическое правительство», матросы, получив 80 тысяч марок, согласились очистить правительственное здание. По поводу этого компромисса генерал Гренер читает самым настоятельным образом нотации Эберту.

«Г. Эберт,—говорит Гренер,—я должен у вас просить объяснения, что означает ваша слабость по отношению к матросам. Терпение фельдмаршала и мое на исходе. Такими способами переговоров вы дезорганизуете последнюю часть войск, еще слушающуюся офицеров. Главное командование не намерено и не в состоянии нести ответственности за подобное решение вопросов».

Эберт отвечает: «Тут дело идет о более важных интересах, чем военные. Кровавая баня имела бы в данный момент самые нежелательные последствия для внутреннего положения страны».

Гренер не дает себя утешать: «К сожалению, я не могу с вами согласиться. Фельдмаршал и я безусловно требуем разоружения и роспуска матросской дивизии и примем меры, чтоб это решение провести».

Эберт, напуганный этими угрозами, дает согласие на ликвидацию матросского отряда, запертого в Марштале войсками генерала Лекн. 24 декабря утром рабочих Берлина будил гул орудий. Они спешат к месту боя. Войска Лекн, и так достаточно ослабленные уходом солдат домой, оказываются между рабочими и матросами. Они с трудом выбираются из образовавшейся западни, заключив соглашение с матросами.

Генералитет приходит к убеждению, что при помощи остатков разложившейся армии нельзя ликвидировать революционное движение. Он берется за создание особой армии из унтер-офицеров, из офицерни, из добровольцев белой формации, не зараженной духом революции и тоской по дому. Но рабочие поняли смысл события в Марштале. В Берлине начинаются грандиозные демонстрации против правительства Эберта. Эберт дрожит в правительственном здании, не почует дома, прячется

в квартире спекулянта Склярца. Сколоченные наспех социал-демократом Кутнером отряды являются его единственной охраной. Если он до этого времени колебался, то теперь он истерически нажимает на Гренера, требуя немедленных действий. Но Гренер подготовляет серьезный разгром рабочих и отклоняет попытки втянуть его в авантюру. На настаивания Гренер отвечает:

«Ваши напоминания приходят несвоевременно и обращены по ложному адресу: две недели тому назад можно было действовать энергично. Тогда вы колебались. Теперь вы должны нести последствия. Мы делаем последнюю попытку организации для вашего правительства, г. Эберт, военной силы.

Если эта попытка не удастся, то решена ваша судьба и наша судьба, и мы имеем победу анархии большевизма. Это вызывает у нас осторожность. Никто, даже и вы, не можете снять с фельдмаршала и меня ответственность, которую мы несем».

Генералитет подготовлял силы для разгрома берлинских рабочих. Отряды белых офицеров и унтер-офицеров, студенческие отряды, отряды солдат, выбитых из строя войной, не находящих себе места в мирной жизни и поэтому готовых продаться всякому, кто их купит, собраны под Берлином. Эберт назначает военным комиссаром Носке. Пусть этот длинный, тупой верзила, с руками, как у обезьяны, ниже колен, заслонит своим званием старого рабочего социал-демократа вильгельмовский генералитет, громящий пролетариат. Для провокации рабочих Эберт смещает с поста берлинского полицей-президента Эйхорна. Он знает, что рабочие без борьбы не сдадут полицей-президиума, единственного центра, вокруг которого слагается революционная вооруженная сила. Бои неминуемы. Ответственность падет на спартакистов, которые вот принудили честного демократа Эберта, скрепя сердце, прибегнуть к оружию для защиты демократии.

Все развивалось по плану. Рабочие-революционеры были разгромлены, хотя восстания не было. Роза Люксембург и Либкнехт были убиты, хотя им не руководили. Путь к учредилке был очищен, буржуазная республика цементирована кровью рабочих.

☆

Мы не будем дальше следить за биографией Фридриха Эберта, вождя германской социал-демократии, которая под присягой хочет свидетельствовать, что ее друзья—русские меньшевики—

неспособны служить контрреволюции, помогать подготовке интервенции против СССР, а во всяком случае неспособны одно делать, а другое говорить.

Сказанного достаточно. Над скамьей подсудимых, над скамьей свидетелей будет витать грузная тень Фридриха Эберта, вождя германской социал-демократии, которая открыла новую эпоху, эпоху предательства рабочего класса в интересах буржуазии, эпоху коварной, подлой подготовки контрреволюционных атак на революционных рабочих в интересах капитала. Даны, Абрамовичи могут прятаться под скамью подсудимых, могут кричать о своей невинности и присылать свидетельские показания из полицейского участка и из канцелярии исполкома II интернационала. Это им не поможет. Тень Фридриха Эберта говорит громким голосом: «Нет такого преступления против интересов пролетариата, к которому неспособна была бы международная социал-демократия и ее детище—русские меньшевики».

Гамлет мог сомневаться, не обманывает ли его воображение, когда услышал обличительный голос своего убитого отца. Международный пролетариат не состоит из Гамлетов, и действия Фридриха Эберта записаны в книге истории,—они сомнения не вызывают. И эти действия говорят: русские меньшевики, срывающие вредительством строительство социализма, подготовляющие коварно интервенцию, берущие деньги от агентов французского империализма,—они кровь от крови и кость от кости эбертовской социал-демократии, т. е. социализма на словах, а спасения капитализма на деле, т. е. демократии на словах, а службы у кровавой контрреволюции на деле.

Если II интернационал хочет отказаться от маленьких Данов и Абрамовичей, то пусть он сначала откажется от действий своего героя—Фридриха Эберта.

IV. СВИДЕТЕЛЬСКИЕ ПОКАЗАНИЯ КАРЛА КАУТСКОГО

ЭКСТРЕННОЕ ЗАСЕДАНИЕ ОСОБОГО ПРИСУТСТВИЯ ВЕРХОВНОГО ТРИБУНАЛА

Заседание открывается 6 марта, в 12 часов дня

Председатдль Шверник. Мы вчера окончили допрос обвиняемых и свидетелей. Предлагаю его сегодня возобновить ввиду наличия нового свидетеля Карла Каутского. (Большое движение в зале.) Гражданин Каутский предложил дать свои показания. Есть ли возражения со стороны обвинителей или обвиняемых?

Тов. Крыленко. Не возражаю.

Обвиняемые. Не возражаем.

Тов. Шверник. Приведите обвиняемого, извиняюсь, свидетеля гражданина Каутского.

Вводят под руку Каутского, закутанного в шаль. (В зале большое движение, все встают и вытягивают шеи.)

Тов. Шверник. Гражданин Каутский, садитесь. Прежде чем приступить к допросу гр-на Каутского, я прочту полученную только что из Берлина телеграмму (читает): «Берлинский «Форвертс» печатает в номере сенсационное сообщение под заголовком: «Похищение Карла Каутского большевиками». «Наш престарелый и маститый вождь возвращался 3 марта вечером домой с заседания, на котором был вынесен протест против зверств большевиков, чинимых на суде в Москве. Но он домой не попал. Полицейский, стоящий на углу улицы, где он живет, утверждает, что видел, как Каутский рассматривал поочередно все номера домов на улице. Очевидно, наш престарелый вождь, потрясенный московским процессом, забыл где живет. К нему подошли два неизвестных, и он с ними сел в стоящий недалеко автомобиль. Больше его не видели. Видно, злоумышленники представились ему как социал-демократы и предложили проводить его домой. Отличающийся

доверчивостью голубицы, престарелый наш вождь попал, видно, в ловушку, поставленную ему большевиками. Увезли ли его чекисты в Москву, или убили—неизвестно. Полиция принимает все меры для выяснения преступления. Еще Москва не наложила свои лапы на Германию, ее злодеяния на немецкой почве вызовут решительный протест всех честных немцев! Как низко упали германские коммунисты,—пишет дальше «Форвертс»,—видно из того, что их газеты утверждают, что Каутский утонул в собственной слюне, которой пытался обрызгать большевиков. Пусть эти господа пеняют на себя, если Германия будет видеть в них виновников или помощников похищения».

Гр-н Каутский, имеете ли вы что-нибудь заявить по поводу этой телеграммы?

Каутский. Нет, нет. Меня не похищали. Я решил добровольно дать показания, чтобы противодействовать той лжи, извиняюсь, тем неточным сведениям, которые здесь на суде распространяются насчет меньшевиков и II интернационала. Я предложил советскому правительству поездку в Москву, но скрыл ее от моих друзей, боясь, что они задержат меня из страха, что я могу быть подвергнут в Москве пыткам. Я надеюсь, что Высокий суд откажется по отношению ко мне от применения этих средств, ибо я к ним не привык и расстрела совсем не выдержу.

Тов. Шверник. Успокойтесь, гр-н Каутский, никто вас пытать не собирается. Гр-н Каутский, что вы хотите заявить суду?

Каутский. Все организмы как природные, так и общественные развиваются очень медленно. Хотя я не стою на точке зрения той социологической школы, которая отождествляет природные и общественные организмы, но все-таки не могу отрицать, что сходство их состоит в том, что и одному и другому нужно долгое время, пока они из одной стадии перейдут в другую. Но если у естественных организмов дело идет о сотнях и может быть миллионах лет, то организмы общественные требуют для перехода из одной стадии в другую более короткого времени. Но все-таки переход, скажем, от полузвериного состояния человечества до первобытного коммунизма совершался в продолжение десятков тысяч лет. Переход от первобытного коммунизма до классового расслоения общества, в форме ли феодальной организации, или рабовладельческой, или азиатского способа производства, требовал многих сотен лет. Эти формы общественной жизни переходят к капитализму в продолжение многих сотен лет.

Тов. Шверник (улыбается). Гр-н Каутский, не можете ли вы подойти ближе к вопросу о процессе. То, что вы сообщаете, мы читали поочередно во всех ваших книжках.

Каутский. Да, да. Я подхожу уже к процессу. Я уже в 1879 г. в своей книге...

Тов. Шверник. Гр-н Каутский от 1879 г. до процесса все-таки еще далеко. Не можете ли вы подойти ближе к предмету?

НЕ РЕВОЛЮЦИЯ, А КОАЛИЦИЯ

Каутский. Я хочу указать на основное мое разногласие с советским правительством, которое заключается в том, что, несмотря на мои многочисленные указания, большевики решили сделать революцию в продолжение лишь нескольких лет, в то время как для революции, для перехода от капитализма к социализму необходимы по крайней мере десятки лет, а быть может и сотни лет; благодаря этой ошибке большевики, попытавшись национализировать промышленность в короткий срок, привели ее к полному разрушению. «Все должно быть хорошо подготовлено, и отнюдь не в каждой отрасли промышленности, не в каждом предприятии и не при каждом уровне развития рабочего осуществимо такое изменение. Если часть предприятий может быть социализирована немедленно, то другую в интересах производства приходится оставлять в руках владельцев. Но их владельцы не станут конечно хлопотать о производстве, если им грозит опасность, что их предприятия в один прекрасный день будут конфискованы. Чтобы и в самом ходе социализации обеспечить бесперебойность процессов производства, настоятельно необходимо тщательно подготовлять социализацию, проводить ее известными этапами и давать капиталистам вознаграждение за экспроприируемые у них средства производства»[1].

Тов. Шверник. А что же капиталисты будут присматриваться, как их частями экспроприируют? Разве вы думаете, что они, как собака из анекдота, любят, чтобы им отрезали хвост по кусочкам?

Каутский. Ведь у вас в 1917 г. была низвергнута царская монархия. «Это крушение монархии и ее последствия в корне меняют политическую задачу пролетарских партий. Государство, в котором они живут, уже не военная монархия, а демократическая республика, угрожаемая реакцией и находящая верную защиту в пролетариате. Нашей задачей становится теперь оберегать республику, т. е. существующее

государство, а не опрокидывать его. В этом смысле социал-демократия перестает быть революционной и становится консервативной. Не потому, что она отказывается от какой-либо части своей программы, а потому, что она одну из решающих частей этой программы уже осуществила. Не она изменилась, изменилось государство. После политической революции идея политической революции теряет всякий смысл... Со времени революции, последовавшей за мировой войной, социалисты вынуждены повсеместно отказываться от того принципиального отношения ко всяким коалициям с другими партиями, на почве которого они раньше стояли... Четвертая и последняя фаза борьбы за социализм наступит тогда, когда мы завоюем достаточно прочное большинство, чтобы тем самым образовать крепкое правительство и наложить на законодательство свою печать» [2]. И вот, надо было подождать, пока будет завоевано большинство, а если бы вы завоевали большинство, то вы могли бы наложить свою печать на законодательство, т. е. медленно социализировать предприятия законодательным путем, и все было бы в порядке.

Тов. Шверник. Разве вам неизвестно, гр-н Каутский, что ваши товарищи по партии, меньшевики, заключили после падения царизма коалицию с буржуазией и накладывали свои штампы на законодательство, запрещающее крестьянам взять землю, рабочим фабрики, и вдобавок гнали их на войну за прибыли капиталистов? Разве вам неизвестно, что громадное большинство рабочих и крестьян прогнало ваше коалиционное правительство и создало советскую власть?

Каутский. «В хаосе, порожденном распадом армии и отсутствием крепко спаянных, вышколенных массовых партий, сектантство легче завоевало себе почву, чем коалиция. Большевизм победил» [3]. Я с этим не могу согласиться, и вы видите, к каким это привело последствиям.

БОЛЬШЕВИКИ РАЗРУШИЛИ ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Член суда т. Муранов. Что же вас больше всего пугает из этих страшных последствий такого печального факта, как победа большевизма?

Каутский. «В своем неоднократно уже цитированном труде «Народное Хозяйство Советской России и его проблемы» Югов приводит, по официальным данным, следующие цифры по валовой продукции русской промышленности (в процентах к 1913 г.): в 1916—121, в 1917—77, в 1920 г.—17» [4].

Тов. Шверник. Гр-н Каутский, разве вам неизвестно, что мы теперь живем в 1931 г. и что наша крупная промышленность на 100% выше, чем довоенная?

Каутский. «В то время как во всех капиталистических странах опустошения войны давно заглажены и производительность промышленности сильно выросла, советская промышленность лишь в самое последнее время перешагнула за довоенный уровень, несмотря на то, что война и гражданская война давно кончились и Советская Россия уже 10 лет наслаждается миром. Поскольку же мерами чрезвычайного нажима в роде пятилетки советской промышленности удалось количественно поднять свою промышленность, это происходит главным образом за счет качества. Рост производства достигается методами, все более уменьшающими охоту к труду и трудоспособность рабочих, т. е. методами, разрушающими важнейший фактор производства—рабочую силу, и тут никакие блестящие цифры сталинской статистики изменить ничего не могут»[5].

Тов. Шверник. Гр-н Каутский, а вы ничего не слышали о громадном подъеме, трудовом энтузиазме масс, об ударничестве, о добровольческих бригадах?

Каутский. Как же, как же, слышал. «Ударные бригады, посылаемые большевиками в деревню для ее раскулачивания, грабят ныне, десять лет спустя после окончания гражданской войны, крестьян так же, как во время военного коммунизма грабились помещики и капиталисты»[6].

(В зале возгласы возмущения: «Кончайте эту брехню».)

Тов. Шверник. Прошу сохранять тишину. Свидетель Каутский дает нам хорошую картину того, как меньшевики за границей ведут кампанию против советской власти. Это нам очень полезно услышать от такого авторитетного свидетеля.

Каутский. «Сама советская пресса все чаще с тревогой сообщает о росте грубой жестокости и тупого равнодушия в пролетариате, об усилении пьянства, истязаний евреев, товарищей по работе, надругательствах над женщинами»[7].

Тов. Шверник. Что же вы больше ничего не слышали о последствиях Октябрьской революции?

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ НЕ МОЖЕТ УДАТЬСЯ

Каутский. Как же, как же! Я ведь читаю превосходный Бюллетень, издаваемый Даном и Абрамовичем, и очень хорошо осведомлен о том, что у вас происходит.

Я также прекрасно осведомлен насчет колхозов, о которых вы столько шумите. «Дело обстоит не так, что этот

эксперимент, вероятно, не удастся, а следует с полной уверенностью настаивать на том, что он потерпит и не может не потерпеть крушения»[8].

Тов. Шверник. Почему вы так думаете?

Каутский. «Целесообразное применение крупного производства в сельском хозяйстве предполагает прежде всего наличие достаточных технических средств современного сельского хозяйства в стране, в том числе наличие достаточного количества руководящих, научно образованных сил, способных целесообразно пользоваться этими средствами, т. е. многочисленность высших сельскохозяйственных учебных заведений, биологических, химических опытных станций, но прежде всего должно иметься наличие высокоразвитых сельскохозяйственных рабочих, а это в свою очередь предполагает широко развитую демократию, обеспечивающую не только хорошую постановку народного обучения, но и полную свободу печати, собрания, союзов... Сельскохозяйственные машины, да, они имеются, но в количестве совершенно недостаточном. Россия слишком бедна, чтобы покупать их в достаточном количестве, и слишком отстала, чтобы самой производить их в избытке»[9].

Тов. Шверник. Вы ничего не слышали о Тракторострое в Сталинграде, о Сельмашстрое в Ростове, о Комбайнстрое в Саратове и т. д., и т. д.? Вы ничего не слышали о быстром развитии наших сельскохозяйственных школ, вы ничего не слышали о тысячах, десятках тысяч собраний, происходящих в деревне, о громадном развитии крестьянской прессы?

Каутский. Об этом я не читал в превосходном Бюллетене меньшевиков. Но этого и не может быть. «И в Западной Европе условия эти имеются лишь в недостаточной степени, так что нужна интенсивная работа для их дальнейшего развития. В России же их, можно сказать, вовсе нет»[10].

Тов. Шверник. Итак—ваш общий вывод.....

КРАХ НЕМИНУЕМ

Каутский. «Этот безумный эксперимент не кончится иначе, как страшнейшим крахом, и величайшие гении не могли бы этот крах предотвратить. Он неизбежно вытекает из неразрешимости поставленных задач в наличных условиях и при наличных средствах»[11].

Тов. Шверник. Какой же вывод делаете из этой оценки положения?

Каутский. «Мирное превращение автократии в демократию до сих пор нигде не удавалось»[12].

Тов. Шверник. Так что же вы за низвержение советской власти?

Каутский. «Становится возможной перспектива победоносного крестьянского восстания против большевистского режима, восстания, которое будет следствием не заговора, всегда могущего быть открытым и обезвреженным, а, наоборот, следствием тех бедствий и неурядиц, которые проистекают из самой советской системы, и которых никакая полиция и никакой террор уничтожить не могут»[13].

Тов. Крыленко. И что же, по-вашему, какую позицию должны занять меньшевики по отношению к этим кулацким восстаниям, на которые вы рассчитываете?

Каутский. «Можно проклинать восстание, но раз оно имеется налицо, надо занять по отношению к нему определенную позицию»[14].

Тов. Крыленко. Значит вы считаете обязанностью социал-демократов поддерживать кулацкую контрреволюцию?

Каутский. «Если начало советского режима в деревне означало революцию, то его дальнейшая работа там должна все более рассматриваться, как чистейшая контрреволюция»[15].

Тов. Крыленко. Но разве вы не отдаете себе отчета, что в случае победы кулацких восстаний, которые вы изволите называть борьбой против советской контрреволюции, к власти пришли бы капиталисты, помещики, что привело бы к установлению фашистской власти против рабочих и крестьян?

НО КОНТРРЕВОЛЮЦИЯ НЕ УГРОЖАЕТ

Каутский. «Фашизм мог победить в Италии, и его подражатели в Германии и Австрии могли приобрести значительное число сторонников и некоторую силу лишь благодаря денежным средствам, которыми их обильно снабжали капиталистические круги, боящиеся возрастающей силы пролетариата и желающие держать для отпора ему свору злобных псов. Без поддержки капитализма нет фашизма. Нет по крайней мере до тех пор, пока ему не удастся захватить в свои руки жирный государственный пирог. Но где же в нынешней России капиталисты, достаточно богатые, чтобы вооружить и взять на содержание целую часть армии? Еще и до революции 1917 г. отечественный капитализм был весьма слаб в России. Ведь часть его капиталов была заграничного про-

исхождения. Большевизм начисто истребил класс капиталистов. Ни крестьянские восстания, ни даже завоевания демократии не могут топнуть ногой и вызвать из-под земли новый сильный класс капиталистов. Откуда же возьмутся деньги для оплаты фашистских банд»[17].

Тов. Крыленко. А разве вы ничего не слышали о деньгах, которые присылал «Промпартии» «Торгпром», которые принимали и меньшевики для своей вредительской работы?

Каутский. Это все выдумки! Ведь я слышал утверждение, что германская социал-демократия и Гильфердинг давали меньшевикам деньги. Вы не знаете Гильфердинга. Разве он даст кому копейку? Мы не привыкли разбрасывать деньги. Мои гости сами уплачивают за пиво, которое у меня выпивают.

Тов. Муранов. Но ведь вы же имеете Интернационал?

Каутский. Интернационал—есть духовное сообщество. Он денег не раздает.

Тов. Крыленко. А вы ничего не слышали о финансировании русских контрреволюционеров иностранными капиталистами, например Детердингом?

Каутский. Конечно такие деньги могли бы дать иностранные капиталисты, но как же велики должны быть эти суммы, чтобы содержимые на эти деньги банды могли сделаться господствующей силой в гигантской стране. Да и какой расчет был бы капиталистам Западной Европы и Америки налагать на себя такую жертву... Что выиграли бы они при этом»[18]. (В зале смех, возгласы: «Что это, идиотизм или лицемерие?»)

Тов. Шверник. Прошу зал воздерживаться от возгласов.

Тов. Крыленко. А вы ничего не слышали о подготовке интервенции против СССР империалистскими державами, которые хотят захватить советскую нефть, уголь, железо, железные дороги. Вы вообще ничего не слышали об империализме?

УГРОЗЫ ИНТЕРВЕНЦИИ НЕТ

Каутский. «О военной интервенции в России несомненно не думает ни одна великая держава. Вероятно не думает о ней даже и Польша. Но все же дело может дойти до мероприятий, заявлений и актов поддержки, которые будут вызывать смуту в России, компрометировать тем дело демократии, затрудняя ей борьбу. Там, где мы сталкиваемся с такой деятельностью реакционной эмиграции, нашей задачей является конечно по возможности ей противодействовать. Но демократическая, социалистическая эмиграция вряд ли

может делать в этом направлении что-либо другое, чем следить за деятельностью другой части эмиграции и осведомлять об этом Интернационал. На социалистические партии в отдельных странах ложится главным образом задача не давать своим правительствам вмешиваться во внутренние дела России ненадлежащим образом и еще следить за реакционной прессой»[19].

Тов. Крыленко. А не известно ли вам, гражданин Каутский, что ваша партия социал-демократов в 1918 г. согласна была с захватом Украины кайзерскими войсками, что Шейдеман в том же самом году предложил спровоцировать разрыв дипломатических отношений с Советской Россией, дабы помочь Антанте в ее интервенционистской политике и таким образом добиться лучших условий мира.

Каутский. Нет, не слышал, это все выдумки.

Тов. Крыленко. Не читали ли вы книги вашего бывшего партийного товарища Виннига, который рассказывает, как он организовал захват Балтики с благословения социал-демократического правительства?

Каутский. Винниг уже не социал-демократ. Он клевещет на партию.

Тов. Крыленко. А вы сами, гр-н Каутский, не предлагали во время Ноябрьской революции не возобновлять дипломатических отношений с СССР, которых добивались ваши же солдатские и рабочие советы? Вы указывали при этом, что Антанта сразу разгромит большевиков.

Каутский кашляет и невнятно что-то мычит.

Тов. Крыленко (обращаясь к суду). Я вполне удовлетворен показаниями свидетеля Каутского и не имею к нему никаких вопросов.

Председатель (обращаясь к обвиняемым). Хочет ли кто-нибудь из обвиняемых высказаться по поводу показания свидетеля Каутского?

Обвиняемый Суханов (с умным лицом). Это вполне вытекает из основных положений меньшевизма и идеологии II интернационала, как я успел понять в разные периоды моего развития, в которых я проявлял одинаковое понимание как революции, так и контрреволюции, о чем мне уже приходилось много раз говорить в моем политическом салоне.

---

[19] Все места в показаниях Каутского взяты из его книги «Большевизм в тупике», изданной по-русски «Социалистическим вестником» в Берлине в 1931 г. Показания относятся поочередно к страницам: 51, 130, 140, 141, 56, 60, 69, 75, 91, 18, 20, 19, 8, 115, 120, 123, 40, 131, 132, 132, 134.—*К. Р.*

V. ГОСПОДИН РУДОЛЬФ ГИЛЬФЕРДИНГ И СССР

Обвиняемые на московском процессе меньшевики назвали среди лиц, с которыми представители меньшевиков за границей согласовывали свою вредительскую, интервенционистскую политику,—Рудольфа Гильфердинга. Его имя называли также в связи с субсидированием меньшевиков германской социал-демократией. Господин Гильфердинг ужасно обиделся, но он не опроверг утверждения, что был осведомлен насчет «нового» курса меньшевистской политики. Он был только глубоко потрясен обвинением, что он когда-нибудь, кому-нибудь давал деньги. Если дело не идет о передаче чужих денег, то мы готовы поддержать протест г. Гильфердинга. Что же касается соучастия его в антисоветской политике, то г. Гильфердинг поступил очень хорошо, что не пошел по примеру Абрамовича и не присягал ни перед Иеговой, ни перед козлиной головой в своем непричастии к антисоветским козням, хотя присяга в условиях, когда свидетели не могут выступать перед германским судом,—дело плевое. Г. Гильфердинг воздержался не только от опровержений, но вообще от высказывания насчет своего отношения к СССР. Г. Гильфердинг вообще неохотно высказывается на эту тему. Но было бы ошибкой думать, что это происходит от отсутствия определенных взглядов у г. Гильфердинга. Его отношение к большевизму—длинная история.

Г. Гильфердинг появился на горизонте II интернационала именно тогда, когда передовые его круги отметили факт *начала новой империалистской эпохи* с ее революционными последствиями. Политически он дебютировал статьей о политической забастовке. Можно сказать, г. Гильфердинг появился на исторической сцене, держа эпоху, как быка за рога. Одновременно он печатал целый ряд глубоко ученых статей по истории экономической теории. Мы, молодежь, вступавшая тогда в движение, изучавшая марксизм, обратили скоро внимание, что к очень немногочисленному количеству серьезных западноевропейских марксистских писателей примкнула новая величина.

☆

Кто такой Гильфердинг, спрашивали мы, и узнали, что в Вене существует целая группа молодых, выдающихся марксистов, что кроме Гильфердинга существуют Отто Бауэр, Экштейн, Реннер. От работ этого последнего скоро повеяло чем-то нехорошим. Он изучал исторические корни австрийской монархии тем самым образом, о котором Маркс писал в вступлении к «18 Брюмера», говоря, что «у Прудона историческая конструкция... превращается в историческую апологию». Как ни молоды мы были, нам все-таки казалось странным, что марксист Реннер пишет статьи, «убеждающие престарелого Франца-Иосифа в пользу всеобщего избирательного права, как средства оздоровить и укрепить одряхлевшую австро-венгерскую монархию. Мы не могли понять, зачем революционеру укреплять такой..., скажем, «продукт истории». Но насчет революционности Гильфердинга у нас сомнений не было. Когда в 1908 г. мне пришлось познакомиться с г. Гильфердингом, то он очень импонировал своим широким горизонтом, который очень редко встречался среди писателей II интернационала, страдающих поголовно национальной ограниченностью.

Но покойный Ганс Дифффенбах, которому Роза Люксембург в своих письмах посвящает такие трогательные воспоминания, после одной из встреч с Гильфердингом, потягивая подозрительно носом, спросил меня: «Ты себе представляешь Розу на баррикаде?»—«Да», ответил я.

— А ты себе представляешь Гильфердинга, погибающего на баррикаде?

Я посмотрел на него с удивлением и вдруг понял, что именно этого не могу себе представить. Несмотря на все свои революционные перспективы на словах, Гильфердинг уходил целиком в комбинации дня, в верхушечные интриги. Ясно чувствовалось, что он заодно с верхушечным слоем германской социал-демократии, к которому мы, присмотревшись, не могли не относиться с большим скептицизмом. То, что больше всего бросалось в глаза, это—полное недоверие Гильфердинга к революционному инстинкту, к революционному сознанию передовых рабочих.

Когда начались первые идейные разногласия в лагере немецких радикалов, у меня был разговор с Гильфердингом, в котором он пытался оттянуть меня от Розы Люксембург. Но не его нескрываемая антипатия к Розе Люксембург больше всего бросилась мне в глаза.

«Чего вы лезете с этими разногласиями в прессу,—говорил он мне.—Зачем это? Когда мы, молодые, в Вене думали, что мы можем сказать что-нибудь новое, то мы это говорили Доктору, а Доктор смотрел на нас—вы знаете, как он это делает, поверх очков,—высмеивал, допрашивал, а после принимал то из наших предложений, которое было важным и жизненным. Масса не может разбираться в новых сложных вопросах. Мы должны итти к партийному руководству, а оно должно давать массе готовые решения. Партию надо повернуть налево, но это можно и это надо сделать только через руководство».

«Доктор»—это был Виктор Адлер. Я, вышедший точно так же, как и Гильфердинг, из австрийского рабочего движения, был воспитан на любви и уважении к «Доктору», но опыт революции 1905 г., в которой я принимал участие, научил меня лучше, чем все марксистские книги, понимать громадное значение революционной инициативы масс не только как проводника революционного учения Маркса, но и как источник новых революционных идей. Присмотревшись в Германии к руководящему слою социал-демократии, я с самого начала глубоко сомневался в том, будет ли он способен решительно повернуть от периода парламентской борьбы к периоду массовых революционных боев, приближение которых мне казалось очевидным.

Указания на русскую революцию Гильфердинг принял очень недружелюбно. «Не делайте той же самой ошибки, что Роза Люксембург, перенося опыт русской революции на Германию», сказал он мне. Источником его глубокой антипатии к Розе Люксембург являлось то, что он в ней чувствовал мост между русской революцией и Германией. Троцкий, не проявлявший никакого критицизма по отношению к германской и австрийской социал-демократии (смотри его статью о Викторе Адлере), был ему ближе по душе. Троцкий учил его антипатии к большевизму и Ленину. Гильфердинг не знал ни сочинений Ленина, ни действительных разногласий между большевиками и меньшевиками. Но когда перед Копенгагенским съездом 1910 г. Троцкий предложил ему написать статью о положении в русской социал-демократии, статью, полную диких нападок на большевиков, он ее не только поместил,—он ее смаковал.

Рудольф Гильфердинг, в отличие от тогдашнего Каутского, не пытался разобраться в спорных вопросах русской революции, но весь его инстинкт сибарита, скептика говорил ему,—большевизм есть враг, ибо он верит в пролетарскую революцию, он идет к ней на деле.

☆

Во время войны я потерял из виду Гильфердинга, который был мобилизован в качестве врача. Я увидел его уже во время Ноябрьской революции в качестве одного из вождей независимой социал-демократии—этой типичной партии Пилатов. Во главе партии стоял, как известно, Гаазе—Гамлет социализма, человек, субъективно искренно преданный рабочему классу, но не решающийся порвать с социал-демократией и оппортунизмом, боящийся революционной стихии, не только не умеющий подготовить революцию, но отбрасываемый ею к сделке с контрреволюцией.

Если Каутский в начале Ноябрьской революции высказался за то, чтобы русский вопрос решать «диллаторично», то есть отодвигать возобновление дипломатических сношений с СССР в надежде, что Антанта с нами покончит, то Гаазе прикрывал эту политику сладкими словами о русских «братьях и сестрах», когда он в разговоре с т. Чичериным и мной, который происходил по проводу Юза, отказал в приеме хлеба, который пожертвовал голодный русский рабочий немецкому, чтобы показать ему свою солидарность. Гильфердинг, став приемником этого предательства по отношению к пролетарской революции в России, вначале прикрывал это предательство выражениями лицемерной симпатии к русской революции. Центральный орган независимцев «Фрейхейт», которым Гильфердинг руководил, не помещал в 1919 г. грубых нападок на большевизм, хотя иностранным ее отделом руководил меньшевик Штейн. Но они не делали ничего, чтобы воодушевить рабочих верой в русскую революцию. Они не могли этого делать, ибо они ведь не хотели победы пролетарской революции в Германии и понимали великолепно, что для рабочих масс русская и германская революция едины. Рабочие массы, принадлежащие к независимым социал-демократам, требовали поддержки советского пролетариата, ибо они видели в нем союзника в своей борьбе за пролетарскую диктатуру. Г. Гильфердинг делал все, что мог, чтобы не допустить перехода независимых рабочих на позиции большевизма. Но он не смел открыто отклонить идеи диктатуры пролетариата, не смел отклонить идеи советов.

Все его усилия были направлены к тому, чтобы из этих величайших лозунгов борьбы сделать мост к социал-предателям, сделать мост к буржуазии.

Диктатура, да, понятно, но диктатура без террора это—горячий снег, ибо диктатура есть орган насилия.

Советы, да, но разве вы не видите, что, пока буржуазия господствует, можно только добиться признания буржуазией советов как совещательных органов?

Это было во время наступления Юденича на Ленинград и Деникина на Москву. Я сидел в тюрьме в Лертерштрассе и пытался всеми средствами воздействовать не только на молодую и слабую тогда еще коммунистическую партию, но и на независимцев, через те их элементы, которые пытались повернуть свою партию на рельсы только что основанного Коминтерна. Я попросил зайти ко мне в тюрьму т. Штеккера, тогдашнего члена ЦК независимцев, теперешнего коммуниста, и, обрисовав ему положение русской революции, указал ему, что борьба с белыми приближается к кульминационному пункту. Я предложил ему большую агитационную кампанию за поддержку ведущих тяжелую борьбу русских пролетариев. Штеккер обещал сделать все возможное. Через несколько дней он мне передал, что ЦК независимцев решил начать эту кампанию, но Гильфердинг настоятельно предлагал отложить ее до Октябрьской годовщины, чтобы два раза не нанимать зал, что стоит много денег. Это было, если не ошибаюсь, в конце сентября. Г. Гильфердинг видно думал, что быть может удастся справить панихиду по революции. Осенью этого года он высказал свою мысль более открыто на партийной конференции, когда стоял вопрос о присоединении независимцев к III интернационалу. Главным аргументом Гильфердинга было: «надо подождать». Коминтерн есть детище русской революции, а ведь неизвестно как кончатся бои в России. В этом был весь Гильфердинг.

Шейдеманы и Эберты вооружили всех, подобно Бермонту и генералу Гольцу, готовящихся к борьбе против СССР, они позволяли генералам Бискунским на германской территории формировать белые русские отряды.

Гильфердинг действовал тихой сапой. Он убеждал немецкий пролетариат не смыкать рядов с русским пролетариатом.

Коминтерн великолепно понимал роль Гильфердинга, и когда делегация независимцев приехала на II конгресс Коминтерна,—характерно, что Гильфердинг, идейный вождь партии, не приехал,—независимцам как одно из условий вхождения в Коминтерн было предъявлено требование исключения Гильфердинга из партии. В ответ на это Гильфердинг сорвал маску, он выступил на съезде в Галле с речью, полной ненависти к боль-

шевизму. Но он еще с величайшим негодованием отклонил, как клевету, утверждение Зиновьева, что Гильфердинг работает на объединение с шейдемановцами.

☆

Раскол независимцев состоялся. Большинство рабочих-независимцев перешло в коммунистическую партию. Руки Рудольфа Гильфердинга были развязаны, и он не только повел бешеную кампанию против СССР, начатую подлыми статьями Дитмана, но и кампанию за объединение с шейдемановцами. Когда оно состоялось, Рудольф Гильфердинг перекочевал на правое крыло социал-демократической партии. Неутомимый в своей борьбе с революционными рабочими, этот ученый экономист, став министром финансов, был мягок, как воск, по отношению к капиталистам.

В мемуарах английского посланника в Берлине лорда Д'Абернона можно прочесть замечательный разговор с Штреземаном, коллегой Гильфердинга по кабинету. Д'Абернон указал Штреземану на то, если не завинтить налогового пресса по отношению к буржуазии, то марка полетит. Штреземан жалуется ему, что министр финансов Гильфердинг, хотя и радикальный социалист, страдает большой снисходительностью к буржуазии и не думает пользоваться налоговым прессом.

Г. Гильфердинг показал, как можно быть автором «Финансового капитала» и не думать о борьбе с финансовым капиталом. Но зато он делал все, чтобы не допустить сближения Германии с СССР, которого требовали интересы германской буржуазии. Он совместно с Эбертом был решительным противником Раппальского договора, ибо вся его ставка была ставкой на примирение с западно-европейской буржуазией. Он принадлежал к ближайшим друзьям представителя репарационной комиссии профессора Хагенена и французского политического разведчика профессора Энара. Г. Гильфердинг не писал никаких статей против СССР. Государственный муж, вчерашний и завтрашний министр, не должен компрометировать себя враждой к СССР, пока германская буржуазия не решила с ней порвать. Но жена г. Гильфердинга переводила книги, направленные против СССР. Меньшевики находили с его стороны полную поддержку. Понятно, только клеветники могут утверждать, что г. Гильфердинг за интервенцию. Он только против сближения Германии с СССР, которое могло бы затруднить интервенцию. И если интервенция начнется, то он, как человек трезвый, примет ее, как факт. Какой разумный человек не признает фактов!

Он застрельщик политики сближения с Францией, ибо только такое сближение «обеспечивает мир на западе». А если это сближение будет требовать участия Германии в интервенции, то ведь всякий поймет, что из двух зол надо выбирать меньшее. А разве война с диким Востоком не лучше войны с цивилизованными нациями?

— В СССР строят фундамент социализма! Рассказывайте эти сказки другим. Гильфердинг чересчур умен, чтобы этому поверить. «В буржуазной Германии больше социализма, чем в СССР», сказал на последнем съезде германской социал-демократии единомышленник Гильфердинга Дитман. Утверждения, что Гильфердинг вел с меньшевиками переговоры об интервенции, смехотворны. Ведь всякий знает, что Абрамович даже зонтик берет в руки с осторожностью, боясь, что он выстрелит. Какой он интервент! А потом г. Гильфердинг—не министерство иностранных дел, он не ведет переговоров, он ведет только разговоры. Что будет, когда Франция двинет на войну против СССР Польшу, мы увидим. Г. Гильфердинг не генерал Миллер, он не формирует белых отрядов против СССР, он только пытается не допустить, чтобы Германия, которая ведь «нуждается в мире», путалась с большевиками. Он только делает все, чтобы разрушить красный фронт, который слагается для борьбы с интервенцией, он только против того, чтобы германский рабочий верил в «басни» о социализме в СССР, ибо он человек Запада и не верит в свет с Востока.

Есть палачи пролетарской революции, и есть Понтии Пилаты, умывающие руки в невинности, а руки их грязнее, чем руки палачей.

VI. ОТТО БАУЭР ЗАЩИЩАЕТ СОВЕТСКИЕ РЕСПУБЛИКИ ИЛИ ГДЕ ТОНКО, ТАМ И РВЕТСЯ

Венская «Арбейтер Цейтунг», орган австро-марксистов, очень старалась во время процесса меньшевиков. Она повторяла за всеми буржуазными и социал-демократическими газетами клевету о вынужденных показаниях этих меньшевиков, доходя до такого ученого идиотизма, как сравнения Громанов и Сухановых с Галилеем, а Московского суда с инквизицией. Об этом нечего писать. Те пощечины, которые получил «Форвертс» за подобные штучки может засчитать себе и венская «Арбейтер Цейтунг». Но на то «Арбейтер Цейтунг» и орган австро-марксистов, чтобы не довольствоваться простой социал-демократической ложью. Австро-марксисты—люди не только образованные, но и тонкие. Они никогда не врут без ссылки на Маркса и никогда не обманывают пролетариат без проливания при этом слез и без выражений великой любви к его освободительной борьбе.

И на этот раз г. Бауэр прослезился. Статью свою «Фридрих Адлер—контрреволюционер» он начинает с гимна в честь пятилетки: «С величайшим напряжением и внутренним соучастием следит рабочий класс всего мира за борьбой Советского Союза за проведение пятилетки. Рабочий класс знает, что этот год имеет решающее значение для попытки на основе величайших жертв создать новый общественный строй. Рабочий класс понимает, что банкротство этого мужественного плана может означать для России гражданскую войну, а для всего мира опасность войны, опасность кровавой контрреволюции в России и усиления реакции в Европе. Победа плана может освободить путь для постепенного преодоления нужды в России и для постепенного отказа от террористической диктатуры, ставшей ненужной. Ее победа дала бы миру доказательства, что возможно развитие хозяйства в обществе, освобожденном от капитализма. Она могла бы усилить влияние социалистических идей во всем мире, и там, где рабочий класс будет бороться за социализм на других путях и другими средствами».

Как красиво поет г. Бауэр! Поет, заливается слезами, и при этом... мошенничает. Мы не будем говорить о «террористической диктатуре», исчезновение которой он хочет видеть по возможности скорей, мы не будем говорить и о намеке, что рабочим других стран нечему учиться у советского пролетариата. Чего стоит в устах Бауэра указание, что рабочий класс всего мира следит с «глубочайшим напряжением» и «внутренним вниманием» за нашей борьбой за пятилетку. Да, миллионные массы революционных рабочих следят с глубочайшим вниманием и с глубочайшим участием за нашей борьбой. А ваша партия, г. Бауэр, германская социал-демократия, партия II интернационала, она тоже следит с глубочайшим напряжением и участием за нашей борьбой? Ведь нет таких помой, которыми бы германская социал-демократия не поливала этой борьбы! Ведь нет таких препятствий, которые бы она ей не ставила! Что же, г. Бауэр, вы исключаете германскую социал-демократию из «рабочих всего мира»? А как будет с вашими ближайшими друзьями—Абрамовичем и Даном, за которых вы заступаетесь, присягая, что они невиновны во вредительстве и в подготовке интервенции? Что же, вам не известно, что эти герои борются с пеной у рта против пятилетки? Г. Бауэр прикрыл наготу II интернационала своей австро-марксистской япанчой, чтобы тем легче выступить в защиту меньшевиков.

И какой великолепный аргумент у г. Бауэра для доказательства, что меньшевики невинны, как агнцы! Ведь подумайте только, «ВКП и советская власть обвиняют II интернационал в участии подготовки интервенции», кричит с возмущением г. Бауэр. Секретарем II интернационала является ведь такой революционер, как Фридрих Адлер. Мы отказываем себе в удовольствии нарисовать здесь портрет великого революционера Фридриха Адлера, героя последнего выстреленного патрона, мы только спросим, не известна ли г. Бауэру статья Адлера, в которой он развивает мысль, что так как нельзя спасти Октябрь, то надо спасать Февраль. Что сия белиберда означает, если не заявление Адлера, что он за власть капитализма в СССР, что он за ликвидацию пролетарской диктатуры и восстановление буржуазной демократии? Бауэр провалился со своим свидетелем, ибо его классический свидетель—автор контрреволюционного манифеста, направленного против социализма в СССР.

Г. Бауэр жалуется на то, что ВКП и правительство СССР своими нападками на II интернационал затрудняют ему поддержку СССР и борьбу против интервенции.

Ах, как героически сражались бы Отто Бауэр и Фридрих Адлер за Советскую республику, если бы им не мешали большевики!

Но зачем нам мудрствовать, что бы делал г. Бауэр в случае угрозы Советскому Союзу со стороны капиталистических держав? Ведь г. Бауэр не вчера родился, и что г. Бауэр делает для защиты Советской республики, мы знаем из его собственных сочинений. Чтобы увидеть во всей красоте Бауэра, сражающегося на баррикадах против интервенции в защиту советской власти, достаточно открыть историю австрийской революции 1918/19 г., написанную им же самим, и прочесть его собственный рассказ о героической борьбе, которую он вел за социализм.

☆

Это было к концу 1918 и началу 1919 г., когда монархия Габсбургов рухнула и разлетелась в куски и когда во главе австрийской республики встали социал-демократы. Стремление к социализму было среди венского пролетариата значительно сильнее, чем среди германского, хотя австрийские коммунисты были значительно слабее, чем спартакисты в Германии. Отрезанные от своих старых центров снабжения и от своих старых рынков сбыта, Вена и другие рабочие центры Австрии страдали от жестокой нужды. Австрийские рабочие искали выхода на путях пролетарской революции. Австрийская социал-демократия возглавляла в лице Реннера, Зайтца и Бауэра австрийское правительство. Вот как описывает Бауэр положение и функции, которые исполняла тогда австрийская социал-демократия:

«Правительство не имело в своем распоряжении никаких средств для их (революционного движения рабочих — *К. Р.*) подавления: вооруженная сила не могла служить орудием, направленным против пролетарских масс, охваченных революционным брожением. Только при помощи ежедневной апелляции к проницательности, благоразумию и чувству ответственности голодающих, мерзнущих и выведенных из колеи войной и революцией масс правительство могло избежать перехода революционного движения в гражданскую войну, могущую уничтожить все завоевания революции. Никакое буржуазное правительство не могло бы справиться с такой задачей. Оно оказалось бы безоружным против недоверия и презрения масс. Оно было бы в течение восьми дней свергнуто уличным восстанием и обезоружено собственными солдатами. Только

социал-демократы могли справиться с такой беспримерно трудной задачей. Только они пользовались доверием рабочих масс. Только они могли убедить последних в том, что ужасная нужда после войны не есть вина правительства, а является неизбежным результатом мирового исторического переворота и может быть изжита только постепенно, а не может быть уничтожена путем насильственного переворота. Только социал-демократы могли мирно покончить с бурными демонстрациями посредством переговоров и уговоров, только социал-демократы могли объясняться с безработными, руководить Народной армией, удержать рабочие массы от революционных авантюр, которые явились бы роковыми для революции. Функции, которые были тогда важнейшими функциями правительства, могли быть выполнены исключительно социал-демократами. Глубокое потрясение буржуазного общественного строя нашло свое внешнее выражение в том, что буржуазное правительство, правительство без участия в нем социал-демократов, сделалось просто немыслимым»[1].

Эту функцию удерживания рабочих от революции (какое научное слово—«функция»,—прямо красота!), как рассказывает Бауэр, они взяли на себя потому, что сильнее Антанты зверя нет, что Вена не могла сама себя прокормить и полностью зависела от продовольствия, привозимого из стран Антанты.

Но в марте 1919 г. венгерский пролетариат взял власть. Эта власть боролась с громадными затруднениями, состоящими частично в том, что фабрики оружия, экспедиции государственных бумаг находились на территории Австрии. Советская венгерская республика стремилась поэтому к объединению с австрийским пролетариатом. Но для австрийского пролетариата объединение с ней означало революционный выход из затруднения, ибо Венгрия есть земледельческая страна, и союз пролетариата немецкой Австрии с венгерским означал создание мощной силы, с которой трудно было бы справиться Антанте.

Германия была вся в брожении. В южной Германии, в Баварии рабочие взяли власть. Италию захлестывала волна революционного движения. Союз венгерского и австрийского пролетариата пробил бы себе дорогу через дезорганизованную Румынию к Советскому Союзу. Он мог подать руку баварскому пролетариату и создать над Дунаем на юге-востоке Европы победоносный центр пролетарской революции.

---

1 Отто Бауэр. Австрийская революция 1918 года, ГИЗ. стр. 125.

Господа австрийские социал-демократы сделали все, чтобы не допустить возникновения этого союза. Они понятно, как люди учтивые, австро-марксисты, знающие, что полагается, допустили дипломатическую миссию венгерского советского правительства в Вену, допустили, как хвастается г. Бауэр, вывоз промышленности австрийских изделий в Венгрию, между прочим потому, что им некуда было их направить.

«Но мы не могли,—передает дальше Бауэр,—продать чего бы то ни было из запасов военного ведомства, не нарушив нейтралитета в чешско-венгерской войне». Рабочие социал-демократы Винер-Нейштадта были другого мнения и по возможности контрабандой отправляли оружие в Венгрию, как сообщает сам г. Бауэр. Они видно не понимали дипломатических тонкостей, не понимали, что в борьбе пролетариата с капитализмом надо рабочим сохранять нейтралитет. Но г. Бауэр принял даже обязанность перед Антантой в том, что товары, получаемые Австрией с Запада, не попадут в Венгрию. Таким образом г. Бауэр на деле принимал участие в блокаде советской Венгрии.

Мало того, г. Бауэр для недопущения объединения рабочих Вены с венгерским пролетариатом взялся за оружие. Когда Антанта затребовала уменьшения Народной армии, состоящей из безработных, и на этой почве подготовлялась 15 июня 1919 г. демонстрация, то мы предоставим здесь слово г. Бауэру:

«Мы знали об этих приготовлениях и взялись за оружие».

12 июня г. Бауэр убеждает антантовскую комиссию отказаться на данный момент от сокращения Народной армии, чтобы этим уменьшить брожение среди нее. 14 июня г. Дейч окружает 41-й коммунистический батальон войсками «под командой полковника Марека, для того чтобы в случае нужды выступить против него (коммунистического батальона) вооруженным путем». 15 июня господа социал-демократы стреляют по демонстрантам и оставляют на поле сражения 20 убитых и 80 раненых.

Значит, в союзе с антантовской комиссией, лживые обещания которой Бауэр, Адлер и Дейч представили рабочим полкам, как отказ от их роспуска, при помощи военной силы, находящейся под командованием кайзерского полковника, г. Бауэр делает все, что возможно, чтобы не допустить победы коммунистов. Г. Бауэр кичится очень тем, что он—не Носке. История позволила ему сыграть роль только Носке в миниатюре. У него нет 30 тысяч убитых. Его заслуги перед буржуа-

зней насчитываются только в десятках убитых и раненых. Но делал он то же самое, что делала германская социал-демократия, а именно, все, что мог, чтобы не допустить победы социализма, чтобы не допустить объединения австрийских рабочих с венгерскими.

Все его ссылки на путчистскую тактику Бетльгейма и пр. не меняют ни на ноту того факта, что он входил в соглашение с антантовской комиссией против венгерских и австрийских коммунистов, что он опирался в борьбе с революционными рабочими Вены на кайзерских полковников. Г. Бауэр ужасно обижен на австрийскую буржуазию, что она приписывает заслугу в победе над пролетариатом Австрии директору полиции Шоберу. Мы вполне поддерживаем его законную претензию: лавры принадлежат ему, Фридриху Адлеру, Дейчу и другим вождям австрийской социал-демократии.

Вот что говорит история о борьбе Отто Бауэра за социализм, о борьбе его за советскую республику в Венгрии, о борьбе его против интервенции, при помощи которой была задушена советская республика в Венгрии. Этих фактов не устранишь из книги истории никакими лживыми выражениями симпатий к пятилетке.

☆

Австрийская социал-демократическая партия сравнительно небольших размеров, и страна ее не играет той роли в мировой политике, как плацдарм контрреволюции, которую играет Германия. Поэтому австрийская социал-демократия может себе позволять роскошь прикрывать сущность своей политики всякого рода фразами, вроде приведенных выше о пятилетке. Она не будет даже играть той контрреволюционной роли в случае интервенции против СССР, для которой подготовляются уже германские социал-демократы.

Но если Антанта выберет Австрию как один из узловых пунктов для вывоза оружия для соседей СССР, напавших на наш Союз, то можно быть глубоко уверенным, что г. Бауэр скажет, что у австрийского пролетариата нет сил для сопротивления, что положение его трагично, что, понятно, он всей душой хотел бы помочь советской республике, но к сожалению не в состоянии этого сделать, и что поэтому коммунисты играют на руку контрреволюции, борясь против интервенции, на почве австрийских республик.

Мы характеризовали Рудольфа Гильфердинга, одного из отпрысков австрийского марксизма, как Понтия Пилата, помогаю-

щего всеми силами контрреволюционной подготовке интервенции, но умывающего при этом руки в знак невинности. Г. Гильфердинг, делая это, не убеждает нас в своей любви к Советскому Союзу, в своем «внутреннем сочувствии» и «напряженном внимании». Он умывает руки с невозмутимым лицом римского проконсула.

Г. Отто Бауэр—Пилат № 2. Пилат с притворной улыбкой венского галантерейного коммивояжера. Но он никакими своими фразами никого не обманет.

13 лет истории мировой революции, 13 лет тяжелого пути пролетариата показали цену всякого политика, говорящего от имени пролетариата, и революционные рабочие знают очень хорошо цену фраз г. Отто Бауэра, цену его свидетельства в защиту меньшевиков, и фразы г. Бауэра могут во всяком революционере вызвать только глубочайшее презрение.

VII. ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ И ПОДГОТОВКА ИНТЕРВЕНЦИИ

СОВСЕМ НЕХИТРАЯ МЕХАНИКА

Вся пресса II интернационала полна глубочайшего негодования по поводу наших обвинений этой почтенной организации в поддержке подготовки интервенции и срыва социалистического строительства при помощи вредительства в СССР.

Понятно, что некоторые незначительные группы II интернационала искренно негодуют, ибо и во II интернационале есть элементы, платонически симпатизирующие СССР, «друзья Советской России», которым цена пять копеек за полдюжины. Эти друзья сами не борются за социализм в своей стране, но зато были бы рады, если бы «социалистический эксперимент» в СССР удался. Эти симпатии они великолепно совмещают с принадлежностью ко II интернационалу, причем закрывают уши и глаза, чтобы не видеть, что делает эта международная организация, к которой они принадлежат, каково ее действительное отношение к СССР.

Большинство вождей II интернационала великолепно знает, что делает, и великолепно знает, что мы правы, обвиняя их во вражде к СССР и в действиях, направленных против Советского Союза. Вражды своей многие из них никогда не скрывали, но действия свои, направленные против первой страны строящегося социализма, они вынуждены скрывать.

Задача всякого честного рабочего понять до конца всю механику отношений II интернационала к СССР, ибо без понимания механики этих отношений нельзя серьезно бороться против опасности интервенции.

ПОЧЕМУ ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ЯВЛЯЕТСЯ ВРАГОМ СССР?

Теоретической причиной вражды II интернационала к СССР является убеждение социал-фашистов, что эпоха, нами переживаемая, не является эпохой революционного перехода от ка-

питализма к социализму, что, наоборот, предстоит еще длинный период существования капитализма. Из этого положения они заключают, что попытка постройки социализма в СССР является простой авантюрой, к которой благоразумные господа из II интернационала не могут иметь никакой симпатии, тем более что пролетариат СССР и его партии не удовлетворяются тем, что стремятся провести свой «социалистический эксперимент», но и клеймят предателями пролетариата «социалистические партии» всех стран, отказывающиеся следовать их примеру. Вражда социалистов II интернационала к СССР является таким образом простым логическим выводом из их основной оценки переживаемой нами эпохи.

Но теперь даже пионеры знают, что разные оценки общественных явлений не падают с неба, не являются результатом различия темпераментов, а рождаются из социального положения и социальных стремлений спорящих сторон. II интернационал не потому борется с коммунистами, что пришел после долгого размышления к убеждению в невозможности социалистической революции в данную историческую эпоху, а, наоборот, он должен был отклонить взгляд на эту эпоху, выработанный им же самим перед войной, чтобы формальное единство старого II интернационала уступило место расколу, созданию III интернационала и борьбе между Вторым интернационалом и Третьим. Теперешний II интернационал, выражая интересы рабочей верхушки, кое-как устроившейся при капитализме, интересы рабочей бюрократии, отказался от борьбы за социализм, которую предписывали ему резолюции Базельского конгресса о грозящей империалистической войне. До войны оппортунистические вожди II интернационала формально мирились с идеями предстоящей борьбы за социализм, ибо это не угрожало им никакой опасностью. Когда вспыхнула международная война, надо было выбирать: борьба за социализм, т. е. опасность тюрьмы, расстрела, нелегальной жизни, или подчинение капитализму, т. е. безопасное существование, обеспеченность, врастание в капиталистический строй. Они выбрали этот второй путь, и этим предрешена была их теперешняя вражда к СССР. Достаточно было одному Либкнехту выступить в рейхстаге с протестом против войны, чтобы вся социал-демократическая пресса начала бешеную травлю этого истинного представителя пролетариата. Когда за Либкнехтом и Розой Люксембург оказались десятки тысяч рабочих, социал-демократия перешла от

травли к прямой сделке с белым офицерством и к убийству представителей революционного германского пролетариата. Отношение к СССР—стране миллионов борющихся за социализм, это—та же ненависть к Либкнехту и Розе Люксембург, помноженная на миллионы. Но для убийства СССР недостаточно сколотить несколько тысяч белых офицеров. Для убийства СССР нужна интервенция.

II интернационал, это—не просто объединение нескольких десятков партий, перешедших из лагеря рабочего класса в лагерь защиты капитализма. Партии II интернационала уже находились у власти в ряде крупных капиталистических стран и могут завтра в коалиции с буржуазными партиями оказаться у власти. СССР, это—громадное государство, крупнее, чем все остальные государства капиталистической Европы. Если в СССР победит социализм, то перед лицом капиталистического развала, растущей безработицы рабочие массы Европы должны будут сказать себе, да, надо итти тем путем, по которому пошли рабочие СССР. Руководители всех капиталистических государств учитывают эту опасность советского примера. Как же не учитывать этой опасности партиям II интернационала, специальная задача которых удерживать рабочих своих стран от революции!

СССР является не только крепостью рождающегося социалистического строя, но он принимает живейшее участие в решении всех вопросов мировой политики. Он своим примером ободряет стремление колониальных народов к освобождению, что увеличивает опасность освобождения колоний и полуколоний от эксплоатирующих их империалистических держав. Хотя эти колониальные движения начались до образования СССР и имеют свои самостоятельные корни, но буржуазия империалистских стран думает, что легче справилась бы с колониальной революцией, если бы не было СССР. Как же может социал-демократия империалистских стран, имеющих крупные колонии, не сочувствовать вражде своей буржуазии к СССР, когда потеря колоний угрожает колониальным прибылям, из которых частица перепадает рабочей аристократии и рабочей бюрократии.

СССР борется против версальского ига, наложенного империалистическими странами-победительницами на целый ряд европейских стран. Буржуазия стран, эксплоатирующих побежденные страны на основе Версальского договора, убеждена, что она легче справилась бы с этими странами, если бы не было

СССР. Как же могут партии II интернационала, которые стоят на почве Версальского договора, не желать исчезновения СССР?

Но казалось бы, что тогда партии II интернационала, действующие в странах, пострадавших от Версальского договора, должны бы, несмотря на свою вражду к социализму, стоять за поддержку СССР. Существуют ведь, скажем, в Германии среди буржуазии группы, которые не прочь опираться против версальских победителей на СССР. Но диалектика истории приводит к тому, что германская социал-демократия является партией более католической, чем папа римский. Она более враждебна СССР, чем ряд капиталистических группировок, ибо, будучи более связанной с рабочим классом, она сильнее чувствует влияние «русского примера» на пролетариат и более, чем даже капиталистические группы, боится пролетарской революции. Социал-демократия Германии наверно хотела бы добиться освобождения по крайней мере от материальных тягот, наложенных на Германию Версальским договором. Но она убеждена, что итти к этой цели лучше всего путем услуг, оказываемых империалистам Франции и Англии в борьбе с СССР. Если уж нельзя освободиться от версальского ига без потрясений, то уж лучше итти на потрясения, вытекающие из интервенции против СССР, т. е. итти рука об руку с самыми сильными в мире капиталистическими странами, чем итти на потрясения, вытекающие из борьбы против Версальского договора, которая невозможна без связи с СССР, без искания опоры в СССР, а следовательно, и без укрепления мирового положения СССР.

Все дороги ведут в Рим. II интернационал, как партия спасения капитализма, как партия увековечения колониальной эксплоатации, как объединение, в котором перевес имеют партии стран-победительниц, является врагом СССР. Он дает себе отчет в том, что рабочий класс и социализм в СССР настолько усилились, капиталистические элементы в СССР настолько ослаблены, что нельзя думать о низвержении власти пролетариата без войны против СССР. Они за войну против СССР.

Они это доказали во Франции, поддерживая союз с Польшей и Румынией, поддерживая займы, предоставленные на вооружение Польши. Они это доказывают в Польше, голосуя до последнего момента за беспрерывное вооружение, которое направлено исключительно против СССР. Они это доказали в 1918 г. в Германии, поддерживая Брестский разбойничий

мир, предлагая правительству Вельгельма II при помощи провокации разорвать дипломатические сношения с СССР. Они это доказали в продолжение 1919 г. поддержкой всех белых авантюр в Прибалтике, направленных против СССР. Они это доказывали, сопротивляясь в лице Эберта заключению Раппальского договора, хотя этот договор только устранял ряд предметов конфликта между СССР и Германией. Они это доказывали, борясь против всякого предложения даже капиталистических групп, стремящихся расширить экономические сношения с СССР.

Но если партия II интернационала за интервенцию против СССР, то кто может сомневаться, что они за всякую работу, могущую подорвать строительство социализма в СССР.

ПОЧЕМУ ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ НЕ МОЖЕТ ПРИЗНАТЬ, ЧТО ОН ЗА ВРЕДИТЕЛЬСТВО И ЗА ИНТЕРВЕНЦИЮ

Многие из вождей II интернационала открыто признают свою вражду к СССР. Достаточно указать на Каутского, который из года в год выпускает брошюры и книги, пропагандирующие открыто низвержение советского строя. Но ни одна официальная партия II интернационала не выступила открыто за интервенцию и за вредительство, ни один официальный вождь интернационала не выступил открыто с этими лозунгами. Они не могут выступить с программой вредительства и интервенции.

Причины этого так же просты, как причины ненависти II интернационала к СССР. Что является предпосылкой вредительства? «Торгпром» и его агенты из «Промпартии» прибегли к вредительству, когда пришли к убеждению, что их надежды на невозможность восстановления советского хозяйства без привлечения иностранного капитализма и предоставления свободы развития капитализма вообще в СССР обанкротились. Они пришли к вредительству, когда увидели, что дело индустриализации СССР подвигается громадными шагами. Они пришли к вредительству, когда убедились, что коллективизация не привела к разрыву между рабочим классом и крестьянством, а что, наоборот, она есть путь к усилению союза рабочих и крестьян СССР и к социалистической перестройке сельского хозяйства в СССР. Вредительская тактика родилась из убеждения руководящих капиталистических групп в банкротстве идеи неминуемой экономической катастрофы в СССР, из убеждения, что силы, враждебные социалистическому строительству, будут с каждым годом слабее.

Когда возникал капитализм и машина начала свой триумфальный поход, принося неисчислимые бедствия рабочему классу, слабый рабочий класс прибег к порче и разрушению машин. Когда он научился бороться против последствий капитализма, он отказался от этой тактики. Русская буржуазия знает, что индустриализация и коллективизация означают для нее смерть. Она чересчур слаба, чтобы в открытом классовом бою самостоятельно сопротивляться индустриализации и коллективизации. Она может прибегать только к срыву наших планов, к срыву наших усилий строить фабрики. Вредительство само по себе не может дать ей победы, но оно может нанести нам тяжелые раны, вызвать заминку индустриализации, кризис, недовольство масс и подготовить почву для интервенции, которая, смыкаясь с остатками капиталистических классов в СССР, должна привести к нашему поражению и вернуть нашу страну на путь капитализма.

Меньшевики приняли эту установку, ибо они оценивали перспективы развития так же, как «Торгпром» и «Промпартия». Они так же, как и эти организации, убедились в своей неспособности противопоставить рабочий класс советскому правительству, в своей неспособности задержать ход индустриализации и коллективизации. Но могут ли меньшевики стать открыто на почву этой тактики? Это было даже не по силам «Торгпрому», тем более это не по силам русским меньшевикам и Второму интернационалу. Открыто признаться, что они за насильственное уничтожение фундамента социализма в СССР, за насильственное навязывание стране капитализма, за войну во имя подчинения СССР капитализму—они не могут.

В теоретических брошюрах меньшевики пишут, что социализм невозможен в России, что СССР должен перестать существовать и должен уступить место капитализму. Но одна вещь—брошюры, а другая—поднять кампанию перед миллионными массами и сказать им: «Вот рабочие в СССР пытаются создать социализм, а мы будем поддерживать тех, кто эти усилия старается уничтожить, подорвать. Если нам не удастся добиться возвращения СССР к капитализму путем поддержки вредительства, то мы поддержим войну для введения капитализма в СССР». Этого они не могут сказать даже тем рабочим массам, которые не верят в собственные силы и поэтому не борются у себя за социализм.

Народные массы всех стран еще великолепно помнят последнюю войну, они ненавидят войну, они боятся ее. Как же Второй интернационал может открыто высказаться за интервенцию, т. е. за войну против СССР? Ведь подготовка новой мировой войны, которая ведется во всех капиталистических странах, идет исключительно под флагом защиты этих стран от нападения. Даже Соединенные штаты Америки, которые отделены от всего мира морями, которые представляют собою великий континент, строят громадный флот, строят громадную армию, все под лозунгом защиты. Франция, самая великая военная держава в Европе, имеющая больше войск, аэропланов, танков, пушек, чем какая-нибудь другая европейская капиталистическая держава, все кричит, что она озабочена только своей безопасностью. Ведь Лига наций создана для того, чтобы прикрыть все империалистские стремления капиталистических держав пацифистским заслоном. Как же может II интернационал, действующий среди тех, кто наиболее пострадал от войны, вдруг раздеться донага и закричать: «Я за войну, которая навяжет русским рабочим тот самый капитализм, от которого так страдает весь мировой пролетариат».

ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ ПРИНУЖДЕН ДЕЙСТВОВАТЬ ТИХОЙ САПОЙ

Выход из положения, создавшегося в результате того, что вредительским и интервенционистским целям руководства II интернационала противостоит тот факт, что нельзя обратиться открыто к рабочим массам с лозунгами интервенции и вредительства, очень прост. II интернационал, маскируя свои цели, работает для их подготовки.

Так же, как партии II интернационала, поддерживая империалистские цели своих правительств, кричат, что пролетариат обязан «защищать свое отечество», так же, как, принимая участие в подготовке новой империалистской войны, они успокаивают рабочих, что опасность империалистской войны невероятна, что Лига наций существует для того, чтобы ослаблять противоречия между державами, они, подготовляли интервенцию, в первую очередь пытаются усыпить бдительность пролетариата. Вся социал-демократическая пресса мира за малыми исключениями убеждает рабочих, что опасность интервенции выдумана большевиками для прикрытия «красного империализма», собирающегося напасть на

другие страны. Всякий не потерявший совести человек видит, что советское правительство стремится всеми силами к обеспечению мирных отношений с соседями, что оно выносит бесконечные провокации, часто не давая заслуженного ответа, дабы избежать войны. Это не мешает социал-демократической печати постоянно рассказывать о красном милитаризме, подготовляющем войну. Даже когда Красной армии пришлось отбросить бандитские набеги китайских генералов, порвавших добровольно заключенный договор, социал-демократическая пресса кричала о вторжении красного империализма в Манчжурию. Эта пропаганда имеет определенную цель внушить рабочим массам мысль о том, что советское правительство хочет войны. Эта мысль должна помочь в момент, когда интервенты начнут действовать, провоцируя столкновения на советской границе, втолковать рабочим массам, что ведь красные империалисты давно уже хотят войны и что они подготовляют эти столкновения.

Вся кампания лжи и клеветы против СССР, которую ведет пресса II интернационала, должна внушить рабочим всех стран убеждение, что не стоит защищать Страны Советов. Если бы социал-демократическая пресса хотя бы так объективно освещала наше хозяйственное строительство, как это делает ряд буржуазных органов, которые хотят, чтобы их хозяева знали положение в СССР, честный рабочий социал-демократ сказал бы себе: «Я обязан поддержать страну, которая пытается создать промышленность, способную обеспечить население необходимыми продуктами, которая пытается поднять благосостояние рабочих и крестьян». Но именно II интернационал не может допустить, чтобы так думал рабочий социал-демократ, и поэтому нет такой бессмысленной лжи о СССР, которой бы не распространяла социал-демократическая пресса. Этим она надеется по крайней мере добиться пассивности, нейтральности рабочих в момент, когда руководители империалистического мира решатся на интервенцию. Ложь социал-демократической печати должна обеспечить организаторам интервенции свободу рук для момента решения.

Агенты мировой буржуазии, агенты русского капитализма в лице «Промпартии», эсеров, меньшевиков делают в СССР свое гнусное дело подрыва социалистического строительства рука об руку со шпионами империалистских генеральных штабов. Между тем, что делали меньшевики Громан, Шер

и прочие, и тем, что делали Рамзины и Ларичевы, не было никакой разницы и не могло быть, ибо они действовали в блоке друг с другом. Поэтому ничего удивительного, что социал-демократическая печать защищала с пеной у рта Рамзиных, как защищает теперь Громанов, хотя первые выступали открыто как представители капитализма, а про вторых пресса II интернационала говорит, что они ко II интернационалу не принадлежат. Она защищает вредительство, откуда бы оно ни исходило, крича, что вредительства нет, что дело идет о защите жертв большевизма.

Только простофили и дурачки могут удивляться этой лжи. Буржуазия всегда обманывала народные массы. Буржуазные партии, действующие среди народных масс, крестьян и рабочих, принуждены были всегда прибегать к целой системе лжи, чтобы скрыть от трудящихся масс цели, для которых их хотели использовать. Только тот факт, что еще не прошло много времени с момента раскола II интернационала, что целое поколение, теперь еще действующее, вчера еще действовало в рамках одной организации с людьми, предавшими пролетариат и ставшими сейчас по другую сторону баррикады, затрудняет кое-кому занять позицию по отношению к меньшевикам, ко II интернационалу, не считаясь со своими воспоминаниями, занять позицию, исходящую из учета факта, что эти люди окончательно, раз навсегда стали по другую сторону баррикады. Но как нечего удивляться, когда господин Бриан говорит одно, а делает другое, так же смешно удивляться, что заграничный центр меньшевиков и II интернационал отказываются от своих товарищей, сидящих на скамье подсудимых за дело, которое поручил им II интернационал. Рабочие массы всего мира разглядят эту механику, авторы которой думают, что она очень хитра, тогда как на деле она очень проста. Эта механика полностью соответствует всем традициям буржуазных партий, всем традициям борьбы капитализма с пролетариатом, борьбы, в которой военная хитрость, тихая сапа всегда играли немалую роль.

VIII. ПУТЬ МЕНЬШЕВИЗМА

ИСТОРИЯ ПОДВОДИТ ИТОГИ

Приговор Особого присутствия Верховного суда по делу меньшевиков устанавливает, что для ниспровержения советской власти меньшевики заключили блок с контрреволюционной организацией крупной буржуазии, ставящей себе целью подготовку интервенции и срыв строительства социализма при помощи вредительства, что они проводили свою деятельность рука об руку с этой организацией, причем руководство ее лежало в руках заграничной делегации ЦК меньшевиков—Дана, Абрамовича и других «исторических» вождей меньшевизма.

Господа Даны и К⁰ подняли большой крик, опровергая это решение пролетарского суда, но кроме присяги перед нотариусом они не смогут привести никаких аргументов, которые были бы в состоянии вызвать сомнение в правильности решения Верховного суда, ибо это решение основано в своей основной части не только на делах, творимых меньшевиками в СССР, но и на писаниях и высказываниях официальных вождей меньшевизма, на анализе его исторического развития.

Крик Данов показывает только, что партия меньшевиков чувствует сама убийственный характер итогов своей истории. Понять эти итоги—вопрос крупного политического значения не только для тех элементов в международном меньшевизме, которые, быть может, в состоянии еще задержаться у пропасти и отползти от нее. Понять эти итоги важно и для нас, несмотря на то, что меньшевики не представляют теперь никакой силы. Итоги развития меньшевизма помогут уяснить многое в истории развития русской революции и развития нашей партии. Наконец итоги эти имеют международное значение, ибо, какая разница ни существует еще между социальным составом русского меньшевизма и других партий II интернационала, они развиваются в том же направлении, в котором развивался русский меньшевизм, и они до известной степени уже сравнялись с ним и представляют с ним единую плоть.

Процесс меньшевиков уточнил ту картину подготовки интервенции, которую нам дало внимательное наблюдение роста интервенционистских тенденций за последние годы. Процесс особенно ярко показал ту роль, которую взяла на себя в этой подготовке международная социал-демократия.

МЕНЬШЕВИЗМ В ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННУЮ ЭПОХУ

Несмотря на то что за всю историю борьбы меньшевизма с большевизмом партия наша всегда рассматривала меньшевизм как мелкобуржуазное течение, тот факт, что меньшевизм докатился до вредительства, интервенционизма, кажется кое-кому чем-то порывающим нить меньшевистской истории. Были же меньшевики частью рабочей партии, к которой и мы принадлежали. Некоторые думают, что в процессе исторического развития изменилась природа меньшевизма, ибо иначе как же была бы возможна принадлежность меньшевиков и большевиков к одной партии. Ответ на эти вопросы состоит в том, что не социальная сущность меньшевизма изменилась, а исторические условия его деятельности.

История рабочего класса во всех странах знает период отделения пролетарской демократии от мелкобуржуазной. Когда наступило в России это отделение пролетарской демократии от мелкобуржуазной? В какой момент и кто представлял эту мелкобуржуазную демократию?

Это отделение началось с разрыва Плеханова с «Народной волей», оно происходило в процессе борьбы марксистов с народниками. В этой борьбе рабочий класс отделился идеологически от деревенской мелкой буржуазии, прикрывающей свою борьбу с остатками крепостничества и царизма идеологией народнического социализма. Смысл этого отделения состоял в том, что рабочий класс, заявляя о своей готовности не только поддерживать стремления крестьянства в его борьбе с царизмом и остатками крепостничества, но и возглавить эту борьбу, одновременно заявил, что эта борьба может быть победоносной только тогда, если ее возглавит рабочий класс как независимая, самостоятельная сила, организованная на основе своих собственных социалистических стремлений.

Отделение авангарда пролетариата от деревенской мелкой буржуазии, выступающей под знаменем народничества, было только первым шагом к отделению пролетариата от мелкобуржуазной демократии. Второй акт произошел в процессе

борьбы и разрыва между большевиками и меньшевиками. Завершение этого процесса, это—пражская конференция большевиков, окончательно разорвавшая организационную связь, существовавшую до этого времени между большевиками и меньшевиками.

Чем отличались меньшевики от эсеров? Кадры эсеров представляли ту часть мелкобуржуазной интеллигенции, которая искала опоры в зажиточных частях крестьянства, и которая окружила борьбу крестьянства за освобождение мелкого товаропроизводителя нимбом народнического социализма.

Они представляли, грубо говоря, деревенскую мелкую буржуазию, зажиточные слои деревни.

Меньшевики представляли исторически ту часть городской мелкой буржуазии, которая, давая себе отчет о характере борьбы крестьянских масс, искала опоры в движении рабочего класса, как рычага к раскрепощению России. Эти представители мелкобуржуазной демократии, принимая на словах социалистические цели рабочего движения, на деле—как показал это исторический опыт—примыкали к марксизму в первую очередь потому, что он указывал прогрессивную роль капитализма на известной стадии исторического развития.

Когда Струве ушел от марксизма и социал-демократии, обнаружив, что он пришел к ним только потому, что в марксизме он видел именно обоснование прогрессивной роли капитализма на известной стадии развития, то казалось, что дело идет о личных судьбах Струве, Булгакова, Туган-Барановского. Но достаточно присмотреться к тому, что еще в 1931 г. меньшевизм борется за возвращение СССР на путь капитализма, чтобы понять, что сущность меньшевизма состояла именно в борьбе за условия развития капитализма в России.

Меньшевики представляли собой исторически ту часть городской мелкой буржузии, которая пыталась опереться на рабочий класс для борьбы за демократию, как лучшее условие развития капитализма.

И большевики считали революцию 1905 года буржуазной революцией, но буржуазная революция была для них только этапом, через который пролетариат должен был стремиться к социалистической революции: «Пролетариат должен довести до конца демократический переворот, присоединяя к себе массы крестьянства, чтобы раздавить силу сопротивления самодержавия и парализовать неустойчивость буржуазии. Проле-

тариат должен совершить социалистический переворот, присоединяя к себе массу полупролетарских элементов населения, чтобы сломить силой сопротивление буржуазии и парализовать неустойчивость крестьянства и мелкой буржуазии. Таковы задачи пролетариата, которые так узко представляют «ново-искровцы» (меньшевики—*К. Р.*) во всех своих рассуждениях и резолюциях о размахе революции», писал Ленин в 1905 г. в «Двух тактиках». И поэтому он определял задачами пролетариата: «Добиться того, чтобы русская революция была не движением нескольких месяцев, а движением многих лет, чтобы она привела не к одним только мелким уступкам властей предержащих, а к полному ниспровержению этих властей... а если это удастся, тогда революционный пожар зажжет Европу; истомившись в буржуазной реакции, европейский пролетариат поднимется в свою очередь и покажет нам, «как это делается»; тогда революционный подъем Европы окажет обратное действие на Россию и из эпохи нескольких революционных лет сделает эпоху нескольких революционных десятилетий». Так писал Ленин в 1905 г. в своей статье о «Временном правительстве».

Большевизм при своем рождении в первых великих исторических боях доказал этой своей установкой, что он является пролетарским течением, не забывающим из-за сегодняшнего дня буржуазной революции ее социалистического завтрашнего дня. Большевизм стремился к самому радикальному решению вопросов буржуазной революции для того, чтобы очистить путь для социалистической революции, не отделенной китайской стеной от буржуазной. Что же касается меньшевиков, то они, утешаясь будущим социализмом на словах, на деле же исходили из того, что «китайская стена», отделяющая одну от другой (социалистическую от буржуазной революции), «является более или менее длительным интервалом, в течение которого пришедшая к власти буржуазия развивает капитализм, а пролетариат накопляет силы и готовится к «решительной борьбе» против капитализма. Интервал этот исчисляется обычно многими десятилетиями, если не больше». Теорию этого интервала Сталин в «Основах ленинизма» с полным правом считает одной из догм меньшевиков. Меньшевики боролись именно

не за что другое, как за этот интервал капиталистического развития. Это было у них от жизни, а все прочее было теоретическим самообманом, все прочее было от книг. Меньшевики представляли собой городскую мелкую буржуазию, задыхающуюся под гнетом царизма и стремившуюся к «культурному» капитализму.

Но в то время, когда «культурный» капитализм показывал на Западе свое отвратительное лицо, трудно было апеллировать к массам и самим подниматься на бой просто во имя победы этого капитализма. Подобно тому как мелкобуржуазная демократия, ориентирующаяся на крестьянство, должна была приукрашать свою борьбу за раскрепощение мелкого товаропроизводителя павлиньими перьями народнического социализма, мелкобуржуазная демократия, ставящая ставку в первую очередь на развитие «культурного капитализма», должна была прикрывать свои стремления извращенными ею марксистскими теориями.

Революция 1905 года показала эту мелкобуржуазную, даже мещанскую сущность меньшевизма с полной наглядностью. Если теперь продумать конкретно бои большевизма с меньшевизмом в 1905 г., то они подтверждают полностью это положение. Большевики, стремясь к социалистической революции, как к завтрашнему дню, должны были стремиться сегодня к радикальному разрушению царской власти, к радикальному разрушению земельных отношений, из которых вырастал царизм. Поэтому ближайшей их целью была плебейская, якобинская диктатура рабочих и крестьян. Меньшевики, стремясь к капитализму, как ближайшему продолжительному этапу, не могли себе представить завершения революции иначе, как в том, что хозяин жизни—капитал—возьмет власть в свои руки в лице либерализма. Все прочее от лукавого. А если буржуазная власть пойдет на компромисс с царизмом и помещиками, не разрешит радикально даже вопросов буржуазной революции, тогда что же, ведь капитализм расцветал в Германии, несмотря на абортивный исход революции 1848 г. Когда меньшевики уже видели во всех уступках, делаемых царизмом буржуазии, победу «прусского пути», то в этом выражалось их желание войти из периода бурь и натиска в тихую гавань капиталистического развития, хотя бы без радикального разрешения вопросов буржуазной революции.

Именно на эту тенденцию указывает политика меньшевиков после первой революции. Ликвидаторство было не чем иным, как отказом от революционной борьбы за ликвидацию

царизма с тем, чтобы приспособиться к этим мелким уступкам царизма, ограничивая свою борьбу стремлением к расширению этих уступок. Царская дума дала буржуазии известные, хотя ограниченные средства контроля над царизмом. Развитие капитализма пошло после 1907 г. быстрым темпом.

Мелкобуржуазная интеллигенция начала проникать в буржуазное хозяйство. Это ее частично удовлетворило и имело последствием, что она начала смотреть оптимистически на перспективы борьбы рабочего класса даже в рамках царизма. И именно потому, что меньшевизм был стремлением мелкобуржуазной демократии к «культурному» капитализму, меньшевики должны были через ликвидаторство перейти в фазу оборончества во время империалистской войны.

Буржуазия ожидала от победы в войне больших выгод, а от поражения—больших невзгод, и это определяло позиции основных кадров меньшевизма. Часть его идеологов, наиболее связанных с международным рабочим движением, как Мартов, пыталась занять платоническую интернационалистскую позицию (от пораженчества, этого мерила действительного интернационализма, они открещивались), несмотря на очевидное противоречие этой позиции с позицией меньшевизма, ярко выраженным штабом ликвидаторов, этой основной группы меньшевиков. Но достаточно было победить в России буржуазной революции, чтобы от интернационалистских фраз Мартова остались рожки да ножки. Точно так же, как «циммервальдец» Чернов нашел приют в оборонческом кабинете, точно так же кончил «циммервальдец» меньшевик Церетелли, а Мартов мог только стонать и ломать руки. Бороться с этим выявлением сущности меньшевизма он не мог, ибо тогда надо было бы отречься от основных положений меньшевизма. Реальные цели меньшевизма нашли свое осуществление в победе буржуазной революции 1917 года.

Городская мелкая буржуазия добилась участия во власти, вошла как составная часть в господствующий буржуазный блок,—хотя только на ролях министров почт и телеграфа,—и это ее удовлетворило полностью. Всякую дальнейшую борьбу она считала чистым авантюризмом. Надо обеспечить выход русской буржуазии из войны с минимальным уроном, поэтому она за мир без аннексий и контрибуций (ведь не только были потеряны все завоевания в Галиции и Турции, но немцы заняли значительную часть территории царской России). Надо было держать крепко в руках крестьянскую армию, дабы «крестьянская стихия не растоптала очагов культуры». После этого можно

будет приступить к мирному разрешению крестьянского вопроса и ко всем социальным реформам, которые меньшевики так щедро обещали пролетариату. Все прочее—это демагогическая выдумка большевиков, которых в интересах демократии и, понятно, социализма надо образумить, если возможно, мирными, а если необходимо, военными средствами. Меньшевики чувствовали себя у цели своих стремлений.

Само собой понятно, что ни меньшевики, ни эсеры не давали себе отчета в действительных пружинах своей деятельности, в мелкобуржуазном характере своих стремлений. Они просто считали такую характеристику их движения большевистским ругательством. Отсутствие опыта у народных масс долго позволяло не только меньшевикам, входящим в состав рабочей партии, но даже эсерам пользоваться известным влиянием на рабочие массы. Нужен был опыт двух революций, который с полной очевидностью выявил мелкобуржуазный характер меньшевиков, чтобы они потеряли опору в рабочем классе и чтобы стали тем, чем они являются сегодня,—представителями мелкой буржуазии в чистом виде.

МЕНЬШЕВИЗМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Даны и Абрамовичи называют клеветой утверждение, что они принимают участие в подготовке интервенции и срывают социалистическое строительство. Они спекулируют при этом на короткой памяти участников истории последних 14 лет. А что же они делали в 1917 г.? На кого опиралось Временное правительство, в котором меньшевики участвовали, которое поддерживали всеми силами, призывая на помощь союзников против рождающейся социалистической революции? Когда Церетелли голосовал за расстрел солдат, не желающих дольше сражаться за победу союзников, то Церетелли не только помогал мировому империализму, но он обращался к представителям английского, американского и французского империализма за помощью. Он поставлял союзникам крестьянское и рабочее пушечное мясо, требуя взамен паровозов, снаряжения, пушек, чтобы усилить позиции буржуазии против напора рабочей и крестьянской революции. С момента, когда буржуазная революция 1917 г. начала перерастать в социалистическую, господа меньшевики защищали русский капитализм против рабочих и крестьян в блоке не только с русской буржуазией, но и с антантовским империализмом, т. е. они

перешли на почву интервенционистской политики.

Нечего говорить о том, что Октябрьская революция сплотила весь меньшевизм в одну шеренгу, ставящую себе одну цель—борьбу не на жизнь, а на смерть с пролетарской диктатурой. Холопам капитализма пролетарская диктатура могла казаться только авантюрой. Они искренно не могли себе представить никакого другого исхода Октябрьской революции, кроме банкротства большевиков и возвращения России к капитализму. Назад к капитализму—этот лозунг прокламировала открыто в 1918 г. летом меньшевистская газета, тогда еще легально в Москве издававшаяся. Какими путями добиться этой цели, это зависело от обстановки. Понятно, что меньшевики боялись победы белых, ибо «культурный» мелкий буржуа не любит, чтобы урядник или вахмистр стегал его по спине, но где побеждали белые, там меньшевики немедленно «примирялись» с их победой, вступали в белые армии, поплакивая время от времени в жилет по поводу того, что генералы обижают «демократию».

На территории советской власти они подрывали власть пролетариата «критикой», сводившейся к попытке внушить массам, что она—не рабочая власть, а власть над рабочим классом. Тут, в Советской России, в огненном кольце борьбы с белыми они принимали время от времени резолюции против интервенции. Там, на территориях, занятых белыми, они давали простор своему существу. Всякий, кто просмотрит «Харьковскую мысль» или одесского «Южного рабочего», печатавших в 1919 г. статьи за интервенцию, статьи за поддержку белых, и кто сравнит эти полнокровные статьи с витиеватыми резолюциями и писаниями Мартова в Москве, скажет: сердце меньшевизма, его существо были в стане белых, в стане интервентов. В резолюциях мартовской, дановской «центристской» группы в испуге пищал мелкий буржуа, стиснутый в кулаке пролетарской диктатуры.

После окончания гражданской войны и начала нэпа часть меньшевиков действительно или только формально отходит от меньшевизма. Часть, более связанная с рабочим классом, входит в компартию, часть, формально порвав с меньшевизмом, устраивается на работу в советских учреждениях. Часть наконец продолжает нелегальную борьбу против советской власти. Если исключить тех меньшевиков, кто вошел в компартию, то в чем состояла разница между меньшевиками, пошедшими на совет-

скую службу, и меньшевиками, ведущими нелегальную борьбу против СССР? Гинзбурги, Громаны были убеждены, что они лучше служат основным целям капитализма, пытаясь на советских постах развивать товарное хозяйство, «углублять» нэп, чем ведя нелегальную борьбу в тех очень узких рамках, в которых она была возможна под жесткой рукой пролетарской диктатуры. Они надеялись со всей мировой буржуазией, что нэп окажется спуском на тормозах к капитализму, они думали, что они будут играть роль элемента, ускоряющего этот спуск, а все прочее приложится. К этому «оптимизму»—с буржуазной точки зрения—они были тем более склонны, что этакое исполнение заветов меньшевизма не требовало от них личных жертв, а, наоборот, давало возможность занимать хорошо оплачиваемые посты и иметь обеспеченное общественное положение. Другие меньшевики, «профессиональные контрреволюционеры», считали, что этот своего рода неоэкономизм недостаточен, что надо еще работать в массах, толкая их на путь контрреволюционных выступлений во имя восстановления капитализма и демократии.

Когда советская республика, накопив силы, перешла к новому социалистическому наступлению и когда это новое социалистическое наступление вызвало не только бешеное обострение классовой борьбы в СССР, но и обострение отношений СССР с капиталистическим миром, обе части меньшевизма сомкнули снова свои ряды.

Новая обстановка заставила легальных меньшевиков, прятавшихся до этого времени, как клопы в обоях, активизировать свою контрреволюционную деятельность. Шер, объясняя т. Крыленко разницу между тем, что делали легальные меньшевики до 1927 г., и тем, что они делали после XV съезда ВКП(б), сказал: до XV съезда мы не занимались вредительством. Мы только, так сказать, переисполняли программу правительства, пытаясь углубить нэп. До XV съезда мы плыли по течению, надеясь, что оно нас вынесет на второй берег. С XV съезда мы начали плыть против течения, то есть, саботируя решения правительства, заниматься вредительством. Понятно, что г. Шер привирает, но важно в его заявлении то, что до 1927 г. они надеялись на «спуск на тормозах».

Одновременно с активизацией «легальных» меньшевиков разгромленные «нелегальные» меньшевики должны были себе ответить на вопрос: что же дальше? Они поняли, что разгром их состоял не только в том, что бдительность советских органов, советской власти не позволяла им развивать своей контр-

революционной работы. Как бы Даны ни рвались все время представлять какое-то мифическое рабочее движение в СССР, они понимали, что их разгром имеет корни в том, что они полностью растеряли свою рабочую базу. Имей они за собой симпатии мало-мальски значительной части рабочего класса, их организацию нельзя было бы ликвидировать, как нельзя ликвидировать коммунистические организации ни в Венгрии, ни в Польше, ни в Италии. Из этого надо было сделать вывод. Вывод состоял в поисках на место потерянной окончательно базы в рабочем классе, который меньшевикам в период буржуазной революции частично еще удавалось увлекать за собой, новые базы в городской мелкой буржуазии, которой историческим представителем был меньшевизм с первых дней своего возникновения. Та среда, из которой вышел меньшевизм и которая во время буржуазной революции поставляла не только штаб и кадры меньшевизма, стала теперь его единственной базой. Вывод состоял в ставке на вредительскую работу меньшевистских спецов и вообще на контрреволюционную работу меньшевистской части служилой интеллигенции. Но это предрешало отношение к интервенции. Вредительство может нанести ряд ударов советской власти, но вредительство не может остаться незаметным, ни его удары не решающими. Решающий удар может нанести только какая-то массовая сила. Что эта сила не может быть рабочей, меньшевикам было ясно, ибо даже Дан в своей полемике с Каутским должен был признать, что рабочий класс идет за большевиками. Меньшевики рассчитывали на движение кулака, но они понимали, что мы его можем разгромить. Оставались только иностранные штыки, и меньшевизм вторично сделал свою ставку на них. Выбрав этот путь, он не мог отказаться от коалиции со всеми вредительскими, интервенционистскими силами.

Меньшевистская партия, борющаяся реально на всем протяжении своей истории за условия развития капитализма и не отличающаяся в этом ни от эсеров, ни от кадетов, но прикрывающая эту борьбу демократическими и социалистическими фразами, очутилась перед задачей борьбы за восстановление капитализма, уничтоженного пролетариатом в СССР и глубоко потрясенного во всех капиталистических странах. Когда меньшевики выходили на бой за капитализм, они прикрывали это свое стремление мечтой о «культурном» капитализме, медленно через демократию идущем к социализму. Эти младенческие мечты пришлось похоронить. Не до жиру—быть бы живу. Пусть будет

некультурный капитализм, он лучше «ужасов» социализма! Пусть без демократии, если рабочие настолько разумны, что напугали весь мир своей диктатурой! «Скрепя сердце», с «болью в душе», говорил Гинзбург, меньшевики временно примирились с генеральской диктатурой и с интервенцией. Сердце сердцем, душа душой, но мелкий буржуа, но мещанин без капитализма жить не может.

Эсеры, пытавшиеся раньше выступить в роли представителей крестьянства вообще и вдобавок еще убеждающие себя, что все крестьянство—за социализм, должны были отказаться от молодых мечтаний и в лице кондратьевцев открыто стали на защиту кулака. Потеряв все иллюзии, осознав свою сущность, меньшевики сели на скамью подсудимых просто как поборники капитализма.

«Коалиция» их с агентурой «Торгпрома», с «Промпартией», «коалиция», при которой Рябушинские давали деньги, а меньшевики и эсеры выполняли поставленные им задачи,—вот та конкретная историческая форма, в которую вылилась их теория, представляемая в 1905 г. их теоретиками как выражение гордой «независимости» пролетарской партии, которая, не признавая участия ни в каких временных правительствах, оставляет власть буржуазии, чтобы ее «подталкивать» в качестве оппозиционной силы.

Так пошутила история над «антимильеранизмом» меньшевистских гидального 1905 г., которые обвиняли большевиков из-за лозунга демократической диктатуры рабочих и крестьян в мильеранизме. Наши антимильераны писали доклады для французской разведки о близящемся крахе пролетарской диктатуры и за сребренники Рябушинского занимались вредительством.

Жестокая вещь—война и революция, она срывает покровы, она показывает все классы и общественные слои в их голом виде, в их настоящих устремлениях.

Что удивительного в том, что когда Громаны, Гинзбурги, Шеры, делающие грязную работу меньшевизма, стали перед судом, старые, с обвислыми животами, голые, грязные, то господа Даны и Абрамовичи, бегающие еще за границей в визитках и в котелках, затрепетали от этого вида и почувствовали себя, несмотря на свое цивилизованное облачение, оголенными, разоблаченными. Что удивительного в том, что они начали застегивать сюртучки, подтягивать галстучки и кричать: «Это не снимок с нас. Мы ничего не имеем общего с Гинзбургами, Громанами и Шерами». Все попытки Данов и Абрамовичей отбрехаться от этих фактов смешны.

Они кричат, что они были против кулацких восстаний. Во имя чего они могут быть против кулацких восстаний? Если коллективизация—авантюра, если капитализм в деревне неминуем, то почему быть против кулацких восстаний?

Они кричат, что они против вредительства. Но если пятилетка—дикая фантастическая авантюра, за которую народные массы расплачиваются величайшими страданиями, то почему не стремиться к банкротству этой авантюры?

Они кричат, что они против интервенции, но тот, кто против чего-то одного, должен быть за что-то другое, за его противоположность. Интервенция есть попытка капиталистического мира уничтожить строящийся социализм в СССР. Но меньшевики ведь считают борьбу за социализм в России утопией. Как же они могут защищать эту утопию?

Все попытки заграничного центра меньшевиков отбрехаться от своей программы, выраженной в действиях «Союзного бюро», смешны. Историю обмануть нельзя.

РУССКИЙ МЕНЬШЕВИЗМ И ВТОРОЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Историю обмануть нельзя, но рабочие массы за границей меньшевикам надо обязательно обмануть. Вот положение, из которого рождаются увеселительные прыжки Абрамовича и Дана, присягающих на торе и призывающих в свидетели II интернационал.

Если бы меньшевики открыто признались в своей программе, то они бы укрепили свою новую социальную базу среди озлобленных наступлением социализма мелкобуржуазных слоев и кулаков. Но Данам и Абрамовичам приходится мобилизовать на помощь интервенции II интернационал, а II интернационал находится только в процессе перемены своей социальной базы. Он еще опирается на миллионы отсталых рабочих. Притти к этим рабочим с проблемой войны, с проблемой блока со шпионами, диверсантами для разрушения фабрик, которые строят русские рабочие, нельзя.

Поэтому мясник Вельс, готовый хоть завтра зарезать миллионы немецких коммунистов, принужден еще разыгрывать добродетель.

Но судьбы II интернационала будут те же самые, что и судьбы русского меньшевизма. Он отчасти уже прошел ту же самую эволюцию, что и русский меньшевизм. Когда правительство, в котором принимала участие социал-демократия, через Эрцбергера умоляло маршала Фоша оставить Гер-

мании пушки, ибо иначе победят спартаковцы, когда все социал-демократические правительства Германии умоляли Антанту о материальной помощи, как единственном средстве, могущем спасти Германию от большевизма, то они умоляли Антанту интервенировать против революции. Когда в 1923 г. дюссельдорфский президент обращался от имени правительства, в котором сидел г. Гильфердинг, к французскому генералу Дегуту с просьбой разрешить германским войскам войти в оккупированный Рурский бассейн для подавления коммунистического движения, когда он при этом ссылался на помощь, оказанную Бисмарком палачу Тьеру в подавлении Парижской коммуны, то это было то же самое, что довело меньшевиков до скамьи подсудимых.

Нет ничего удивительного в том, что больше всего с русскими меньшевиками солидаризуется германская социал-демократия. Она чует, что ее ожидает эта же скамья подсудимых. Время, отделяющее ее от этой скамьи подсудимых, будет заполнено постепенной потерей социал-демократией влияния в рабочих массах. Мы не знаем, сколько еще времени для этого понадобится. Но когда прохвост Абрамович рычит на охраняемом берлинской полицией митинге, что «новый коммунистический царизм хуже старого царизма», и когда прохвост Вельс, доказавши свою способность ко всяким преступлениям против пролетариата, рассказывает на этом собрании, что в то время как большевики «судят товарищей из русской социал-демократии» (забыл плут, что вчера присягал, что обвиняемые ничего общего с их партией не имеют), «одновременно большевики приглашают немецких промышленников и братаются с ними», то надо только сказать: Абрамович, сбежавший от суда советского пролетариата, совместно с Вельсом будет судим победоносным германским пролетариатом.

Преступления Вельсов и Абрамовичей против пролетариата тождественны. Солидарность их не показная. Это—солидарность людей, боящихся одинакового исторического суда.

IX. ВО ИМЯ ЧЕГО ОНИ ХОТЯТ НАПАСТЬ НА СССР

1919 — 1931 гг.

Антанта организовала первую интервенцию втихомолку, всячески маскируя свои действия. Посылая свои войска с конца 1918 г. в Архангельск, Мурманск, занимая Владивосток, Антанта не только ни говорила об интервенции, о необходимости сокрушения большевизма, а делала вид, что дело идет только о помощи русским «патриотам», которые не хотят признать ига Германии, якобы признанного большевиками в Бресте, и стремятся восстановить антигерманский фронт. Интервенция развернулась вначале, как одно из проявлений войны с Германией. Только в 1919 г., после окончания войны с Германией, Антанта сбросила маску и пошла открыто под знаменем сокрушения большевизма, который разрисовала народным массам Европы, как угрозу новой войны, как угрозу дикого террора. Этим опасностям, угрожающим якобы народным массам Европы со стороны большевизма, она противопоставляла программу мира, воссоздания разрушенного войной хозяйства, программу глубоких социальных реформ, долженствующих значительно улучшить положение рабочих масс сравнительно с предвоенным уровнем.

Начиная интервенцию, Антанта выдвинула не только военную программу, но и социально-политическую. Наиболее полно развернул эту программу Ллойд-Джордж в своем мартовском меморандуме 1919 г., назначенном для представителей пяти великих держав, собравшихся в Париже для подготовки к Версальской конференции. Кто хочет понять, насколько изменились условия интервенции теперь по сравнению с первой интервенцией, тот должен еще раз вернуться к ллойд-джорджевскому документу, опубликованному в 1922 г. перед конференцией в Каннах (на этот документ мне много раз приходилось ссылаться ввиду его исключительного исторического значения). Какую картину положения дает Ллойд-Джордж в этом документе? Он пишет:

«Ныне положение совершенно изменилось. Революция на-

ходится еще в зачаточном состоянии: в России все еще господствует страшный террор. Европа охвачена революционным настроением. В груди рабочих живет глубокое чувство, но не чувство недовольства, а чувство злобы и возмущения против довоенных условий жизни. Население всей Европы с недоверием смотрит на все начинания в политической, социальной и экономической области.

В некоторых странах, как, например, в Германии и России, это беспокойное настроение приводит к открытому возмущению, в других странах, например, во Франции, Англии и Италии, оно сказывается в целом ряде забастовок, в известном нежелании работать. Все это признак того, что население столь же сильно жаждет социальных и политических перемен, как и повышения заработной платы...

Это беспокойство следует в значительной мере приветствовать; мы никогда не добьемся длительного успокоения, если мы поставим себе целью создать те же условия существования, какие были в 1914 г. Этим мы бы только подвергли себя опасности толкнуть широкие массы европейского населения в объятия крайних левых, основной мыслью которых является возродить человечество путем полного разрушения существующего социального уклада. В России эти элементы победили. Но победа их была куплена страшной ценой. Сотни тысяч людей погибли. Железные дороги, города, все здание русской государственности почти целиком разрушены. В известной степени, однако, им удалось удержать широкие массы русского народа в повиновении и, что еще характернее, им удалось создать крупную армию, которая, по-видимому, находится под умелым руководством и в которой царит суровая дисциплина. Эта армия в большей своей части готова пожертвовать жизнью ради своих идеалов.

Если мы пропустим еще год, то Россия, охваченная новым воодушевлением, забудет свое миролюбие, ибо в ее распоряжении находится единственная в мире армия, верящая в те идеалы, за которые ей суждено сражаться».

Опасность, угрожающая господству капиталистов со стороны недовольных народных масс, концентрировалась, по мнению Ллойд-Джорджа, наиболее остро в Германии и находила свой кульминациональный пункт в угрозе блока победоносных спартаковцев с большевизмом, пришедшим к власти на территории б. России.

«Величайшая опасность, которую я усматриваю в нынешнем положении вещей, заключается в том, что Германия может решиться доверить свою судьбу большевикам, предоставить свои богатства, свои знания, свой блестящий организационный талант в распоряжение этих фанатиков-революционеров, мечтающих о вооруженном завоевании всего мира. Эта опасность—не пустые бредни. Нынешнее германское правительство слабо; оно не пользуется уважением; авторитет его незначителен; несмотря на все это, оно держится у власти. Уход этого правительства был бы равносилен приходу спартакизма, для которого Германия еще не созрела. У спартаковцев есть, однако, аргумент, который неизменно производит должное впечатление. Этот аргумент заключается в том, что только они одни в состоянии освободить Германию от того нестерпимого положения, в котором она оказалась благодаря войне.

...Если Германия отдает себя в руки спартаковцев, то она неизбежно тесно свяжет свою судьбу с русским большевизмом. Если это случится, то вся Восточная Европа будет втянута в водоворот большевистской революции, и через год мы столкнемся лицом к лицу почти с 300 миллионами людей, превращенных при содействии германских генералов и инструкторов в гигантскую Красную армию, вооруженных германскими пушками и германскими пулеметами и ежеминутно готовых возобновить свое нападение на Западную Европу».

Таким образом весь тактический план интервенции против большевистской России сводился к двум маневрам: подкупить широкие рабочие массы, недовольные положением и не втянутые еще в революционное русло, и тем самым изолировать нарождающееся молодое революционное движение передовых рабочих, в первую очередь спартаковцев в Германии и трудящихся Советской России, лишив их помощи громадного большинства рабочих. Это должно было сделать возможным второй маневр—сокрушительный удар по спартаковцам и по Стране Советов. Вот стратегическая установка европейской контрреволюции. Она не была личной точки зрения Ллойд-Джорджа.

Как видно из книги тогдашнего английского военного министра Уинстона Черчилля, изданной в 1930 г. (книга эта—«Aftermath»—посвящена послевоенной истории мира), и опубликованных в ней документов на той же позиции стоял и Черчилль. Записки полковника Хауза, главного политического советника Вильсона, развивают те же взгляды. Но отпор

Франции не позволил Англии и Америке добиться компромиссного мира с Германией. Им удалось только, и то с большими трудностями, удержать Францию от захвата Рейнских провинций. Версальский мир сделал, таким образом, невозможным полное включение Германии в антисоветский фронт.

Но в остальном стратегический план Ллойд-Джорджа был принят союзниками отчасти сознательно, отчасти под давлением событий.

Буржуазия вступала стихийно на путь, предложенный Ллойд-Джорджем. Если присмотреться к статистике роста зарплаты в период 1919/20 г., к статистике безработицы и к социальному законодательству буржуазных государств Европы за тот же период, то мы видим, что мировая буржуазия действительно в этот период пытались мало-мальски удовлетворить требования широчайших масс рабочих. Везде вводится 8-часовой рабочий день. Буржуазия принимает все меры, чтобы возвращающиеся с фронта рабочие получили работу. Она идет на значительные уступки в области повышения номинальной зарплаты, чтобы хотя бы таким образом компенсировать рабочих за рост дороговизны.

Там, где движение рабочих принимает более широкие размеры,—в Германии, Италии, в Англии, буржуазия идет даже на демагогические обещания предоставления рабочим возможности участия в управлении промышленностью. Достаточно указать на работу комиссии Смайли в Англии, на легализацию фабкомов в Германии, на обещание правительства провести «социализацию в наиболее концентрированных отраслях германской промышленности.

Не подлежит сомнению, что эти меры дали известные результаты, не только вызывая надежды в отсталых массах рабочих на значительное улучшение их положения благодаря демократизации государства и социальным реформам, но даже создавая иллюции о постепенном продвижении к социализму. Эти надежды позволили социал-демократии сгруппировать вокруг себя значительную часть или, быть может, большинство рабочих и отвлечь их с пути, ведущего к революции. Таким образом, подкупив часть рабочего класса, буржуазии удалось удержать рабочее движение в Западной Европе в рамках буржуазной демократии. В Центральной Европе это временное удовлетворение минимальных потребностей рабочего класса дало возможность социал-демократии нанести на время оглушительный удар революционному меньшинству. Разгром движения спартаковцев, произведенный Носке, представляет собой только

выполнение части стратегического плана мировой буржуазии. И нет ничего удивительного в том, что Уинстон Черчилль ставит в своей книге буквально памятник Носке—«простому рабочему, в котором нашли выражение вся доблесть и цивилизаторская роль Германии, и человеку, который посмел поставить ногу на голову гидры революции». Только задушив спартаковское движение при помощи германской социал-демократии весной 1919 г., Антанта широко развернула наступление на СССР.

Какие результаты дало проведение в жизнь стратегического плана Ллойд-Джорджа в 1919 г.? Антанта и германская буржуазия, несмотря на несомненные успехи в борьбе с революционным движением, не могли покончить с коммунистическим движением на Западе. Раздавленное вооруженной силой в 1919 г., это движение в 1920 г. становится более массовым, охватывает большинство рабочих независимцев и приводит к созданию массовой коммунистической партии в Германии.

Компартии рождаются во всех капиталистических странах, принимая везде массовый характер. Во всех странах существуют теперь ядра коммунистических партий, знающих, чего хотят,—а этого в 1919 г. не было,—и вокруг этих ядер везде собираются в моменты обострения классовых боев очень значительные массы рабочих.

Попытка уничтожения революционного движения на Западе оказалась неудачной.

Мало того, буржуазии не удалось, несмотря на все уступки, сделанные в период 1919/20 г. рабочему классу,—а эти уступки являются единственными серьезными подачками, полученными рабочим классом в послевоенный период,—буржуазии не удалось перетянуть даже отсталые массы рабочих на сторону интервенции. Те же самые рабочие массы, которые не решились восстать против своей буржуазии в Западной Европе, оставшись под влиянием реформистов, демонстрировали против интервенции и в 1920 г. помешали угрозой всеобщей забастовки английскому правительству поддержать белую Польшу в ее нападении на Советскую Россию. Книга Черчилля показывает наглядно, как боязнь революционных масс заставляет интервентов отказаться от попытки посылки значительных военных сил против Советов и ограничиться поддержкой белых оружием и деньгами.

Таким образом при самых благоприятных условиях (революционное движение на Западе только что начиналось, буржуазия жертвовала частью прибылей, накопленных во время войны, для подкупа реформистских масс) достижения широко

задуманной стратегии интервентов были только частичны. Эта стратегия успела задержать революцию на Западе, но не смогла разгромить русскую революцию.

Но даже те достижения, которых она добилась, разгромив революционное меньшинство на Западе, оказались краткосрочными, ибо состояние мировой экономики не позволило ей продолжать подкуп идущих за реформистами рабочих масс.

С 1920 г. буржуазия везде начинает организовывать наступление на зарплату рабочих, на рабочий день. Одновременно везде кончается послевоенная показная конъюнктура, состоящая в том, что мировой рынок, изголодавшийся во время войны, лихорадочно поглощал в первые послевоенные годы всю продукцию. Теперь всюду дает себя знать тот факт, что во время мировой войны оборудование тяжелой промышленности выросло в главных капиталистических стран почти на 60%, а платежеспособный рынок благодаря последствиям войны везде сократился. Все экономические и политические противоречия капитализма начинают с 1920 г. развиваться повышающимся темпом и приводят в конечном итоге—через все зигзаги общей и местной конъюнктуры—к величайшему мировому кризису 1930 г.

Благодаря этому мировой капитализм, подготовляя теперь интервенцию против СССР, не только не в состоянии улучшить положение широких масс рабочих, чтобы изолировать революционное меньшинство, но даже принужден во всем мире обращаться к рабочим с проповедью сокращения зарплаты, как единственного выхода из положения. В 1919 г. мировая буржуазия говорила рабочим, что если они не пойдут за большевиками, если не вступят на путь гражданской войны, то везде начнется экономический подъем, везде народы начнут залечивать раны, начнет улучшаться положение рабочих, и рабочий класс в состоянии будет, пользуясь демократическими правами, медленно, но упорно лечить язвы капиталистического строя и создавать какой-то новый строй демократического социализма.

Теперь рабочие видят во всем мире растущую безработицу, не как конъюнктурное явление, а как явление постоянное, источником которого является прогресс техники при сокращающемся рынке. Во всем мире идет сокращение зарплаты. Во всем мире растут фашистские тенденции, которые убивают в рабочих массах веру, что можно сохранить демократию, как путь к улучшению положения пролетариата.

Коренные изменения в международном поло-

жении между 1919 и 1931 гг. состоят, таким образом, в том, что мировая буржуазия не имеет козырей в руках, при помощи которых она может с шансами на успех пытаться изолировать революционное меньшинство пролетариата от остальной массы рабочего класса.

Опыт двенадцати лет величайших боев, которые пережил мировой пролетариат, и невозможность для буржуазии подкупать широкие рабочие массы, привели к тому, что передовые рабочие, которые во время войны и в первые послевоенные годы являлись разрозненными и незначительными группами, только смутно представлявшими себе путь, по которому надо итти, группами, лишенными организации и испытанных кадров, стали теперь массовой силой со значительным опытом, знающей врага, понимающей все ходы социал-демократии, этого все еще основного нашего врага в рабочем классе.

Благодаря этому растет и притягательная сила компартии во всех странах несмотря на частичные неудачи. В случае революционного кризиса в Европе, в случае военного кризиса, который неминуемо перерастет в революционный, буржуазия не может надеяться, что она будет иметь за собой хотя бы нейтралитет большинства рабочего класса, а против себя лишь незначительные отряды революционеров.

Другим коренным изменением по сравнению с 1919 г. является успех развития СССР за десять лет, отделяющих нас от окончания интервенции. Советская Россия первые три года своего существования представляла собой военный лагерь, пылающий огнями героизма и показывающий пролетариату Европы, сколько силы, сколько мужества могут найти в себе восставшие во имя великих целей народные массы. Но основной вопрос, сможет ли советский пролетариат, победивший свою буржуазию, но окруженный еще со всех сторон врагами, построить социализм,—этот вопрос оставался тогда без ответа. Рабочие Европы смотрели с сочувствием на борющуюся большевистскую Россию. Лучшие из них делали все, что могли, чтобы задерживать транспорты оружия, направленные против нас, чтобы разлагать войска Антанты, не допустив, таким образом, переброски значительных военных сил.

Но уверенности в победе социализма в советской стране у них не было.

После начался нэп. Социал-демократия пыталась представить его рабочим всех стран, как возвращение Советской России к капитализму. Что же?—спрашивали они рабочих.—Стопло

русским рабочим пролить столько крови, вынести столько мучений, чтобы теперь приглашать иностранных капиталистов, сдавать им фабрики в концессии и устанавливать у себя капитализм? Всякий, кто встречался в это время с широкими рабочими массами, кому приходилось присматриваться к рабочим собраниям в Западной Европе, беседовать с рабочими за кружкой пива, тот видел, какая тень легла на душу даже самых убежденных и революционных из них. Убеждение, что нэп означает возвращение к капитализму, подрывало уверенность значительной части революционных рабочих. Голод 1921 г. произвел потрясающее впечатление на западно-европейских рабочих. Мне приходилось разговаривать со старым рабочим социал-демократом, очень сочувственно относящимся к Октябрьской революции. Он, не зная, с кем говорит, сказал мне:

— Что же это такое? Мы все-таки надеялись, что русским, быть может, удастся при помощи диктатуры пролетариата построить социализм. Но все это кончилось людоедством.—С глубоким волнением в голосе он повторил несколько раз, держа в руках газету с сообщениями о положении в Поволжье: «Друг друга съедают»,—и понурил голову.

Наши успехи в восстановительный период, успехи 1924—1925—1926 гг. уже изменили настроения рабочих.

— В России дело движется вперед,—говорил мне в 1925 г. простой извозчик в горах Силезии, сообщая с радостью о фактах, которые вычитал из буржуазных газет. Рабочие делегации приезжающие в СССР, разносили весть о наших успехах, усиливая в пролетариате веру в Октябрьскую революцию.

Переход к реконструктивному периоду и победы первых двух лет пятилетки создали в рабочих массах Запада величайший подъем движения в пользу СССР. Люди, которым приходилось в последние годы выступать с докладами о наших успехах в небольших рабочих поселках, где отсутствие высшего социал-демократического чиновничества устраняло организационную преграду между толщей социал-демократических масс и различными беспартийными учреждениями в роде общества друзей Советского Союза, антирелигиозных организаций,—рассказывают, что на этих собраниях нельзя было отличить выступления рабочих социал-демократов от выступлений коммунистов. Все они гордились победами социалистического строительства в СССР и все видели в этих победах залог победы мирового пролетариата.

Это настроение рабочих масс прорывалось даже через ротатки социал-демократической печати. Достаточно указать на

резолюцию официального собрания социал-демократической организации в Бреславле, которая протестовала против антисоветской кампании социал-демократической партии, против майского манифеста II Интернационала и требовала поддержки СССР. В странах, где руководство социал-демократии отличается более тесной связью с рабочими массами, как, например, в Австрии и Бельгии, это настроение рабочих масс заставляет официальную социал-демократическую печать сообщать о наших успехах и признать, что наши победы, если они будут носить решительный характер, откроют новую эру для рабочего класса. В соответствующих статьях «Венской рабочей газеты» получает свое выражение не только гамлетизм группы Бауэра, но и давление настроения австрийских рабочих. Вандервельде, будучи в Москве, был принужден признать, что бельгийские рабочие не позволяют своим вождям нападать на СССР.

Рабочие массы Европы сравнивают результаты развития послевоенного капитализма, выражающиеся в росте безработицы и ухудшении положения рабочих, с победоносным осуществлением пятилетки у нас. Социал-демократия должна цепляться за каждое сведение о наших временных затруднениях, чтобы расхолаживать настроения социал-демократических рабочих. Все расчеты социал-демократии строятся на том, что быть может, мы все-таки не справимся с затруднениями третьего года пятилетки, что, быть может, вредителям и мировой буржуазии удастся сорвать великое дело строительства социализма в СССР. Истерический вопль Каутского—пятилетка никоим образом не может быть проведена—это вопль людей, которые понимают, что если пятилетка будет осуществлена, то они терпят полный крах в основных рабочих массах. Вождь американской федерации труда Франк Уолл высказал публично только то, что все они думают, когда писал, что победа пятилетки означала бы поражение капиталистической системы. В разговорах среди «своих» социал-демократы во всех странах высказываются в том же духе. Недавно СССР посетил старый американский ученый, не-коммунист, Петер Файерман, который больше 40 лет назад учился в Германии совместно с тогдашним марксистом Конрадом Шмидтом и другими тогдашними германскими социал-демократами. Проездом в Москву он провел в Берлине вечер с этими своими старыми приятелями, в том числе с некоторыми редакторами «Форвертс». Разговор вертелся вокруг пятилетки. Редактор «Форвертс» убеждал старика в том, что пятилетка не может быть проведена.

— А если она будет проведена?—спросил Файерман.

— Тогда,—ответил ему один из редакторов «Форвертс»,— вы можете объявить нас последними идиотами. Это уже не повредит нам, ибо мы и так будем политически мертвы.

Мировая буржуазия в лице своих наиболее вдумчивых представителей понимает это. Поэтому-то она и подготовляет новую интервенцию. Но для интервенции недостаточно обладать пушками и снарядами. Для интервенции нужны большие народные массы, которые станут под ружье и пойдут в бой, веря, что сражаются за какие-то идеалы. Для интервенции против СССР нужен устойчивый и крепкий тыл, не саботирующий и не восстающий против войны. Этот тыл должен быть насыщен какими-то идеями, захватывающими широкие массы. Мировая буржуазия это чувствует великолепно, и поэтому в то время, когда генеральные штабы ведут свою подготовительную работу, буржуазные партии пытаются политически подготовить почву для интервенции. Но эта политическая подготовка у них не выходит. Центральная идея, с помощью которой они пытались нейтрализовать рабочие массы, состояла в том, что опыт СССР доказывает невозможность социализма. Теперь же, крича о демпинге, они принуждены признать, что после проведения в жизнь пятилетки СССР может появиться на мировом рынке как производитель громадной массы товаров. Тем самым они признают перед широчайшими массами, что рабочий класс, его диктатура в состоянии обеспечить развитие производительных сил. Как бы они ни пытались ослабить влияние этого признания анекдотами в роде утверждения пресловутого Джойнсона Хикса— одного из наиболее глупых вождей английских консерваторов,— что рабочий в СССР не получает никакой зарплаты, разум рабочего класса отбросит эти бессмысленные пошлости. Через все вымыслы буржуазии в сознание широчайших масс мира пробивает себе дорогу тот факт, что в СССР строится промышленность и что мировая буржуазия боится торжества социализма в СССР.

Рассказы о терроре, об ужасах большевизма перестали действовать. Чересчур много людей побывало в СССР за последние десять лет, чтобы верить этим басням, чересчур много террора вынесли рабочие на своей спине в буржуазных странах. Сведения о нашей расправе со спекулянтами, вредителями вызывают не негодование в основных рабочих массах, а доверие к советской власти. То обстоятельство, что подготовка войны против СССР и наступление против основных масс рабочего класса во всем мире идут одновременно, что буржуазия не

может теперь обещать рабочим не только демократического «социализма», но даже сохранения жалкой зарплаты, которую они теперь получают, убивает возможность не только убедить основные рабочие массы в правоте интервенции, но даже нейтрализовать их в пользу буржуазии. Поэтому так жалки потуги буржуазии политически подготовить интервенцию.

Как можно поднять рабочие массы Европы в защиту бога, которому плохо живется в СССР? Основные рабочие массы в Европе не религиозны. А там, где они, как в Англии, еще религиозны, то религиозность их пассивна, поднять их во имя бога трудно. А какой же успех могла иметь попытка буржуазии поднять рабочие массы в защиту якобы похищенного большевиками старого белогвардейского генерала? Что народным массам генерал Кутепов? Лозунг «демпинга» может найти отклик только у отсталых крестьянских масс Балкан и Польши. И то сомнительно. Хотя эти массы не знают международного хлебного рынка, и им можно рассказывать всякие басни о влиянии на этот рынок советского хлеба, но ростовщиков, которые эксплоатируют их в деревне, они видят собственными глазами, и чиновника, который выжимает подати, и фельдфебеля, который гонит их на рекрутчину, и помещика, который сидит на их земле, они тоже ежедневно видят собственными глазами. Их убеждения поэтому, наверное, больше складываются под влиянием собственного ежедневного опыта, чем под влиянием басен о происшествиях на мировом хлебном рынке.

Сравнивая политическую подготовку интервенции 1919 г. с теперешней подготовкой, можно сказать с уверенностью: у мировой буржуазии нет против СССР ни одного крупного политического козыря в руках, ни одной крупной идеи, близкой народным массам, идеи, в которую народные массы могли бы уверовать и во имя которой могли бы дать себя втянуть в войну против СССР. Господа интервенты такой идеи не найдут, и поэтому им не удастся двинуть на нас никакой крупной западно-европейской армии.

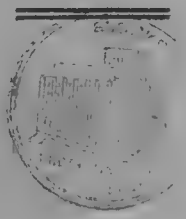
Если нам не удастся сорвать интервенцию и если она станет фактом, то ее придется проводить в первую очередь руками наших западных соседей. Но рабочие массы в соседних с нами странах в большинстве своем сочувственно относятся к СССР. Это не подлежит ни малейшему сомнению для тех, кто следит за их политическим развитием. Крестьянские массы этих стран можно было поднять только на борьбу за национальную

независимость. Эта борьба играла роль в 1919—1920 гг. в Польше, в Эстонии и в Латвии. Мы расплачивались тогда за грехи старой царской политики, оставившей глубокие следы в народных массах этих стран.

Своей политикой мира, своей политикой, поощряющей развитие всех национальностей Союза ССР, мы внушили всем передовым элементам трудового крестьянства соседних стран убеждение, что им не угрожает никакая опасность национального порабощения со стороны СССР. Но самое решающее влияние на ход событий в случае интервенции будет иметь тот факт, что в Румынии и в Польше буржуазия не решила аграрного вопроса в пользу крестьян, не ликвидировала полуфеодальных остатков. На этом она себе сломает шею в случае, если будет так легкомысленна, что даст себя использовать заправилам мировой буржуазии и военных штабов. Война есть продолжение политики другими средствами. Политические условия войны решают в основном ее исход. Продумывая условия, в которых противник намерен начать интервенцию, продумывая их спокойно—без увлечения, без переоценки наших сил, мы можем спокойно, с уверенностью сказать: пусть попробуют,—поломают себе зубы, а прочее мы им переломаем!

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	Стр.
От автора	3
I Революция и контрреволюция на новом этапе и подготовка интервенции	5
II Второй интернационал просится в свидетели	21
III Свидетель Фридрих Эберт	29
IV Свидетельские показания Карла Каутского	42
V Господин Рудольф Гильфердинг и СССР	52
VI Отто Бауэр защищает советские республики	58
VII Второй интернационал и подготовка интервенции	65
VIII Путь меньшевизма	74
IX Во имя чего они хотят напасть на СССР	87



50 коп.
50 к.